

ПАВЕЛ ШАХМАТОВ

На перепутье дорог

ПОВЕСТЬ

Павел Шахматов

На перепутье дорог. Повесть

«Издательские решения»

Шахматов П. В.

На перепутье дорог. Повесть / П. В. Шахматов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961750-7

Трудная и интересная судьба русских на чужбине — в Китае, где начинали жизнь с нуля, переживали приходы японской и советской армий, трудились, создавали большие семьи, строили храмы, школы, культурные центры...

ISBN 978-5-44-961750-7

© Шахматов П. В.
© Издательские решения

Содержание

На перепутье дорог	7
Конец ознакомительного фрагмента.	48

На перепутье дорог

Повесть

Павел Васильевич Шахматов

© Павел Васильевич Шахматов, 2019

ISBN 978-5-4496-1750-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Трагедия России – в разделенности русского народа. Раскидан он по странам и материкам, растерзан по идеологическим нишам и церковным приходам. Только одно нас и объединяет – память о родном доме, где бы он физически не находился, память о матери, отце, братьях, сестрах. За ними – вечный, архетипичный образ Руси, со всеми ее бедами, долью и величием.

Новая книга Павла Васильевича Шахматова рассказывает лишь об одном миге бытия русского народа, о жизни нескольких русских поселков когда-то существовавших на севере Китая, в Маньчжурии, куда забросила судьба их основателей и насельников после страшных лет Гражданской войны 1920-х годов и коллективизации 1930-х. Спасая свои жизни, свои семьи из Забайкалья за Аргунь в Китай бежали казаки, крестьяне, приисковые рабочие, промышленники, интеллигенция... Их было много тысячи, сотни тысяч.

«На перепутье дорог» – не первая книга Павла Васильевича о Трехречье, маленьком уголке «русской» земли в Китае. Первая вышла в свет в 2014 году, она так и называлась – «Трехречье», и в жанровом отношении представляет собой историко-документальное исследование. Автор в ней – летописец своей Малой Родины, пережившей и период свободного заселения, и японскую оккупацию, и приход частей Красной Армии, освободившей Китай в 1945 году. Информация, полученная от очевидцев событий, перемежается с материалами документов, сухими архивными данными, ссылками на различные работы историков. Новая книга имеет совсем иной характер. Перед нами – художественный текст, который создан прежде всего на основе собственных воспоминаний автора. Повесть, которая родилась из долгих разговоров о пережитом в семье Павла Васильевича, из его бесед с трехреченцами, уехавшими из Китая в Австралию.

Период, которому посвящена повесть, выбран не случайно. В 1950-х годах русские трехреченцы (и не только) оказались вновь на перепутье. Разделились семьи, рвались дружеские связи – кто-то собирался уезжать в Советский Союз, кто-то в Австралию или любую другую страну, которая принимала русскую эмиграцию, кто – то решался оставаться в Китае, надеясь, что их минуют грядущие события. Именно этим кризисным годам «Русского Трехречья», которые привели к исчезновению этого маленького уголка «Зарубежной России», посвящена повесть Павла Васильевича. И хотя ее герои носят вымышленные имена (такова природа художественного текста!), многие из еще живых трехреченцев обязательно узнают в ней себя, своих родных, друзей, знакомых.

Читая повесть, я вспомнил рассказы Павла Васильевича, услышанные в те несколько весенних вечеров 2015 и 2016 годов,

когда мне посчастливилось быть у него в гостях. В доме на Перл Бич. Читая вспомнил его лукавую улыбку, супругу Татьяну, которая незаметно для нас создавала неповторимо-уютную атмосферу обычных дачных посиделок то ли где-то недалеко от Москвы, то ли крымском берегу Черного моря. Помню, я как-то воскликнул – «Это Вам нужно записывать!» И услышал – «А я и записываю».

Живая речь повествований Павла Васильевича удивительным образом точно перенесена на бумагу. Для меня, как для фольклориста, это пример литературного текста, который опирается на стихию устной словесности, являясь по существу литературным переложением устных рассказов, притчевых историй, анекдотов, этико-философских народных суждений о жизни и истории горстки русского народа, когда – то проживавшей в Китае.

И главное – книга Павла Васильевича придет к российскому читателю. Она – одна из тех ниточек, которая сегодня связывает наш разделенный народ и дает возможность, оглядываясь на прошлое, думать – как нам строить наше общее будущее...

Владимир Кляус, доктор филологических наук, фольклорист.

На перепутье дорог

Сквозь морозную пелену льется бледный свет луны на спящую, снегом окутанную деревню. Тишина. Кругом ни звука. словно по взмаху волшебной палочки зажигается свет сначала в одном доме, затем в другом и вот засверкала огнями уже вся деревня. Из труб столбом повалил дым, устремляясь в ночную небесную даль и растворившись там, исчезает. Шумом, криком, скрипом саней, лаем собак наполнился воздух.

От легкого прикосновения руки матери, Степан проснулся.

– Пора вставать, завтрак уже готов, – тихим голосом проговорила мать.

В комнате был полумрак, на кухне небольшая керосиновая лампа с убавленным фитилём давала слабый свет. В избе было прохладно, недавно затопленная печь, где ярким пламенем горели лиственничные дрова, громко постреливая искрами, еще не нагрела помещение. У деда были заготовлены много лет тому назад бревна, он собирался сделать к дому пристройку, но все не доходили руки, да и последующие события окончательно загубили его мечту. Лиственничные бревна пустили на дрова.

Внутри небольшого дома было тесно, но уютно. В правом углу стояла большая кровать, рядом широкий комод, у дверей слева кровать поменьше, большой кованный сундук находился у самой стены, под окном расположен стол и стулья, тут же небольшой письменный столик, в итоге оставалось совсем немного свободного пространства. Маленькая кухонька и русская печь занимали место вправо от двери. Под потолком в переднем углу кивот с иконами, посередине большой образ Спасителя в серебряной ризе перед которой в праздничные дни всегда ярко горела лампада.

Отбросив теплое одеяло, Степан сел на край кровати, потянулся рукой к стулу, где лежала с вечера приготовлена верхняя одежда, одел на себя, помимо рубахи, еще теплую фуфайку, связанную бабушкой Еленой, которой уже нет в живых. Нет и деда Захара, арестованного органами НКВД в 1945 году и вывезенного на территорию СССР.

Катанки, подшитые кожей были поставлены на просушку около обогревателя. Присев на стул, Степан стал умело наворачивать портянки, чему его учил еще дед, который считал это самым главным, чтобы ноге в обуви было удобно, ни туго и не слабо. Младше его братья и сестра продолжали спать спокойным сном. Холодная вода из умывальника освежила лицо, шею и тут же согнала дремоту. Степан негромким голосом поздоровался с Галиной Тихоновной, хлопотавшей на кухне:

– Доброе утро, мама

– И тебя с добрым утром, сынок, садись за стол.

На столе стоял уже незамысловатый деревенский завтрак: еще шипящая на сковороде поджаренная на сале картошка, соленые огурцы, лук и толстыми кусками нарезанный хлеб из пшеничной муки. Быстро покончив с едой, Степан напоследок выпил стакан теплого молока. Обвернул вокруг шеи вязанный шарф, надел уже не новый дубленый полушубок, натянул на голову шапку – ушанку и вышел из дома. Резким холодом ударило в лицо, по телу пробежала дрожь. С высоты небес луна лила свой слабый свет на заснеженную землю, вся деревня окутана легкой туманной пеленой, повсюду слышатся звуки людских голосов, скрип полозьев саней, фырканье и топот лошадей. Жители проснулись, каждый спешил осуществлять свои планы, намеченные на этот день.

Сдернув с крючка узды, Степан направился в конский двор, поймал лошадей и подвел их к стоящей у самой стены сарая длинной деревянной колоде с обледенелыми краями, зачерпнув ведрами из бочки воду, что стояла около дверей в сенях, наполнил ее. Лошади пили мало, пришлось остаток воды выплескать на снег. Надел на лошадей сбрую, по очереди запряг, в приго-

товленные с вечера сани, загрузил охапки две сена для лошадей, привязав маниловской веревкой.

Степан еще раз проверил заготовки у саней, на месте ли пила и топор, убедившись, что все в порядке, вернулся в дом. Мать уже приготовила ему продукты, чтобы взять с собой в дорогу, так как предстояла поездка с расчетом на двое суток. Когда-то съездить в лес было дело одного дня, но шли годы, росло население, ближайшие участки уже были вырублены, а поэтому с каждым годом приходилось ездить за дровами все дальше и дальше.

Мать заранее попросил соседа Дмитрия Георгиевича (Митяя) Чикирева присмотреть за сыном и помочь ему советом, где и какие спиливать лесины на дрова, так как это была первая самостоятельная поездка в лес четырнадцатилетнего Степана. Он ездил мальчишкой и раньше с отцом в ближайший лес за тальником, но совершенно в иной роли. Ему было приятно быть рядом и наблюдать как сильными руками ловко и проворно орудует отец, Степан ощущал чувство радостного удовлетворения, когда отец просил его, шестилетнего мальчишку в чем то ему помочь. А сколько было радости, когда отец позволял ему управлять лошадью и он, сидя сверху на возу, был переполнен чувством полного удовлетворения.

Сказав несколько напутственных слов, мать благословила сына: «Поезжай с Богом, да будь осторожен, лошадей не перегружай». Сосед уже поджидал, Степан присоединился к нему и они тронулись в путь. Выехав за деревню, лошадей пустили на легкую рысь. По всем признакам приближался рассвет, впереди расстилалась холодная, пушисто-белая пустыня, укутанная морозной мглой. Прямо в лицо подул ветерок, мороз стал проникать сквозь швы полушубка, Степану пришлось сверху еще надеть доху, сразу почувствовалось теплее. Медленно начал белеть восток, на чистом сером небе уже начинают бледнеть звезды, скоро они совсем исчезнут, кругом тишина, только слегка поскрипывают полозья саней, плавно скользящие по накапанной дороге.

Дорога долгое время шла вдоль речной долины, то удаляясь, то вновь приближаясь к замерзшей реке. Густой кустарник в белоснежном узоре непрерывно тянулся по обе стороны реки, да кое-где одиноко стояли молодые стройные тополя, изредка, вдоль берега попадались, склонившиеся над рекой припудренные инеем ивы. Кругом сплошной белый ковер, только вдали чуть виднелась гряда гор с крутыми голыми черными скалами. Казалось, что все замерло и дремлет под белым пушистым покровом, вокруг ни шороха, ни звука, только с небес лила свой слабый матовый свет на землю бледная луна.

Степан старался не отставать от соседа и ему приходилось постоянно подгонять своих лошадей. Дорога все еще шла долиной, но вот она пересекает замерзшую речку и вскоре сворачивает в широкую падь, далее она идет вдоль горы, начинается длинный пологий подъем. По склону горы растает молодняк, весь старый лес давно хищнически вырублен, только кое-где из-под снега торчат изгнившие пни. Вдали начал розоветь восток и, вскоре из-за далеких заснеженных сопок, появляется огненный диск солнца, пробиваясь своими лучами сквозь зимнюю мглу. Сильнее подул утренний ветерок (хиуз), Степан сбросил доху и решил немного пройтись, чтобы размяться.

После длительного спуска с горы, дорога долгое время еще будет пересекать небольшие перевалы и узкие пади, прежде чем она приведет прямо к избушке под горой. Около барака уже было несколько груженных дровами подвод, готовых отправиться в обратный путь. После обмена приветствиями с сельчанами, Степан и сосед Митяя, не распрягая лошадей, задали им корм и вошли во внутрь деревянного домика. Эта было небольшое помещение, скорее всего когда-то оно служила убежищем для охотников, сейчас же имела жалкий, запущенный вид, потолка не было, сквозь щели в крыше виднелось бледно-голубое небо. Недалеко от двери оледенелое маленькое окошко, сквозь которое едва пробивались лучи солнца, поэтому внутри всегда был полумрак. Тем не менее, здесь можно было спастись от сильного холодного ветра.

Посредине стояла выдавшая виды железная печурка, на которой еще недавно разогревали пищу, кипятили воду и где все еще тлели черные угли.

Отбыли односельчане с возами дров, освободив место в бараке, куда новоприбывшие перенесли одежду и провиант. Наскоро перекусив, Степан поменял катанки на теплые сапоги (унты) и они с соседом отправились в лес. До того места где предполагалась напилить дров, было еще не менее двух километров. От широкой долины отходило множество распадков, склоны которых были покрыты сплошным лесом, в одном из них Степану предстояло свалить несколько деревьев и распилить на кряжи равной длины. Сосед указал рукой вправо и говорит:

– Езжай в ту сторону, а я проеду подальше.

Так как это была Степана первая самостоятельная поездка в лес за дровами, а поэтому он рассчитывал, что сосед Митяй ему подробнее объяснит, как и с какой стороны начинать спиливать лесину, так как деревья росли по склону горы. Но получилась так, что Степан остался в лесу один на один с этой сплошной стеной белоснежных берез.

Дмитрий Георгиевич Чикерев был человеком молчаливым, на его сильно смуглом лице редко появлялась улыбка, отвечал на вопросы коротко, без подробных разъяснений. Среднего роста, чуть сутуловат, в работе проворен и имел, как говорят, золотые руки. Совершенно противоположной по своей натуре и характеру была его жена, Евдокия, отчаянная, веселая, шумливая, ее звонкий пронзительный голос слышен из далека. В семье было четверо детей, две девочки погодки, два сына, младшему семь лет.

Вместе с ними жила мать Дмитрия, Марфа Петровна, рано овдовевшая, она всю свою жизнь посвятила своему единственному сыну. До сих пор она проявляет к нему свою чрезмерную материнскую заботу, смущая этим Дмитрия. Он, не уставая увещевал ее: «Мама, я уже взрослый человек, у меня семья, не нужно относиться ко мне, как к ребенку».

– Митенька, для меня ты будешь ребенком до конца дней моих, – прижавшись к нему, со слезами на глазах, отвечала Марфа Петровна.

Первые же дни, после переезда Артемьевых в Николаевку, Марфа Петровна, была одна из первых, кто навестил новоселов. Она подробно рассказала им о будущих соседях, а потом и жителях всей улицы, давая каждому свою характеристику. Советовала с кем дружить, а кого обходить стороной, предупреждала, что в конце улицы живет Спиридониха, скверная старуха, она может наложить порчу не только на людей, но и на животных. В заключение дала понять, что будьте ближе к ней и она не даст их в обиду. Марфа Петровна стала постоянным посетителем дома Артемьевых. Справедливости ради нужно сказать, что порой она давала им нужный совет и оказывала помощь.

Делать было нечего, Степан свернул вправо и направился к стоящему на склоне горы березняку, привязал лошадей к лесине, положив перед ними охапку сена, углубился в лес. Спилить разрешалось только сухостой, поэтому приходилось выискивать его, пробираясь по глубокому снегу. Наконец, найдена большая полусухая лесина, Степан стал пилить ее под самый корень. Допилив до середины ствола, пилу начало зажимать, тогда он решил начать пилить лесину с другой стороны, но вскоре пилу также было трудно продернуть. Попытка столкнуть дерево не дала результата, и тут мелькнула в голове догадка. «А, что если под углом надрубить топором нижнюю сторону спила?». Степан так и сделал, после некоторых усилий лесина рухнула на землю, обламывая сучья соседних деревьев. Распилив дерево на несколько кряжей одной длинны, Степан пошел искать следующую, такую же сухую лесину, но найти её было не так – то просто, в этом месте уже побывало немало людей. В конце концов ему удалось спилить еще одну небольшую березу, теперь этого было уже достаточно чтобы нагрести одни сани.

На следующий воз Степану пришлось пилить дрова уже в соседнем распадке. Несмотря на морозный воздух, он скинул полушубок, работал в одной фуфайке, одетой поверх рубахи, ему было жарко, из – под шапки на лоб скатывались крупные капли пота. День неуклонно при-

ближался к вечеру. Теперь нужно было напиленные дрова сгрузить на сани, ему, еще не окрепшему четырнадцатилетнему пареньку сделать это было не так – то просто.

Темнота спускалась на землю, длинные серые тени окутывали деревья и кустарники, Степан решил возвращаться к бараку, нагрузив дровами только одни сани. Вскоре к стоянке подъехал сосед, у него уже двое саней были загружены свежеспиленными кряжами дров.

– Ну, как дела? – спросил сосед.

– Все в порядке, только не успел загрузить вторые сани, – ответил Степан.

– Ничего, станем завтра пораньше и все успеем. А ты, Степан свалил лес в одном месте?

– На последний воз, нет – ответил он.

Когда Степан ему все объяснил, сосед с усмешкой сказал

– Да, ты нагружать воз завтра будешь до самого обеда, нужно было постараться пилить дрова в одном месте.

– Это невозможно, сухих и полусухих деревьев очень мало, а сырой лес пилить нельзя – ответил Степан.

– Ты не заметил, – говорит Митяй, – что у мужиков, которых мы встретили сегодня у барака, сухие лесины только сверху наложены.

– Ничего не поделаешь, Степан, приходится рисковать, а то не наберешь сухих дров и за весь день, тем более мне нужно было напилить целых три воза, – добавил он.

Степану было очень обидно, что ему ничего не сказали об этом. В то же время ему стало не по себе от того, что так спокойно рассуждает человек о безответственной рубке леса.

Задали лошадям корм, сухими ветками, прихваченными из леса, разожгли в печурке огонь. Решили вскипятить чай, Степан котелком зачерпнул воду из незамерзающего родника, что бил тонкой струей из под горы. Около печки положили таять замерзший хлеб. На кирпичи, что лежали на плите, Митяй положил кусок отворенного мяса, тут же рядом положил несколько яиц и небольшой кусок сала, Степан. Железная печь раскалилась до красна, вскоре в котелке закипела вода.

В комнате стало чуть теплее, Степан почувствовал во всем теле сильную усталость, его стало неумолимо клонить ко сну. Быстро покончив с едой он стал присматривать место, где бы расположиться на ночь.

– Ложись в угол, который ближе к печке, еще некоторое время будут гореть дрова и тепло около нее продержится дольше, – посоветовал сосед. Чтобы к утру подсохли унты и портянки, Степан положил их ближе к печке, тут же расположил свою обувь и Митяй.

Из рассказов старших Степан знал, для того, чтобы ночью не мерзли ноги, их нужно просунуть в рукава дохи, при этом туго перевязав концы рукавов жгутом. Разместившись в углу барака на сене, Степан быстро крепко заснул. Когда его разбудил сосед, ему показалось, что он только что лег спать. На затопленной печке уже грелась вода, весело потрескивали сухие ветви.

Позавтракав, Степан и Митяй отправились в лес. По совету соседа, Степан волоком на лошади свозил разбросанный в разных местах спиленный лес в одно место. Орудую слегой, Степан первоначально начал загружать толстые кряжи. Еще не закончил Степан нагружать воз, как мимо проехал сосед, крикнув ему:

– Нужна помощь?

– Справлюсь, – ответил Степан, хотя в душе и хотелось, чтобы тот ему помог.

Покончив с погрузкой, Степан вывел лошадь на дорогу и направился к избушке. Здесь они задержались не долго, напоив лошадей, проверили сани и тут же тронулись в обратный путь, поесть решили на ходу. Впереди ехал сосед, лошади у него были хорошие, к тому же он их подкармливал овсом, вскоре лошади Степана стали отставать. На полпути сосед скрылся из вида. Жалея лошадей, Степан шел за санями пешком, только под гору он присаживался на задний воз.

Оставшись один на один с этим безбрежным простором, подросток погрузился в думу, а ему, несмотря на его еще совсем юные годы было что вспоминать. В семилетнем возрасте он лишился отца, его и деда Захара арестовали в 1945 г. как «врагов народа», в товарных вагонах вместе с другими заключенными они были вывезены в Советский Союз. В тот год, только в Северо-восточной части Маньчжурского края арестовали и увезли тысячи эмигрантов, бежавших от грозных событий революционных дней, а позднее от коллективизации. Захар Кузьмич, его жена Анастасия Георгиевна и Денис, тогда еще совсем юноша, бежали от коллективизации в тридцатом году, чтобы избежать репрессий, побросали все имущество нажитое несколькими поколениями.

Репрессированы были и те, кто служил в отрядах «Асано» и «Белой Бригаде», в военной миссии, а также многих забрали из отряда полковника Пешкова. Отряды были созданы по инициативе и под давлением японской военной миссии, вначале якобы для охраны, промышленных и государственных объектов, а позднее из них создали воинские подразделения, под командованием японских офицеров. Незадолго до того, как вошла Красная армия в Маньчжурию, японцы командование отрядами передали русским офицерам.

Степан хорошо помнит это прощание с отцом и дедом, это была ужасная картина, тихо плакала мать, но громко кричали сестренка Маня плакали братья не понимая, что происходит, младшему из них, Илье, не было и года. Степан крепко прижавшись к отцу, повторял только одно: «папа, папа, что будет?». Отец, прижав к себе сына, гладил его рукой по голове, стараясь успокоить: «будь сильным, ты остаешься за старшего, смотри за матерью, сестренкой и братишками». И, что еще мог сказать в эту минут отец, потрясенный случившимся, своему семилетнему сыну?

Степан вскоре познал все тяготы жизни, ему рано пришлось выполнять работу взрослых, видел, как не покладая рук работала мать и он прилагал все усилия для того чтобы облегчить её жизнь. В их небольшой деревне таких семей, лишенных кормильца, было немало.

Арест мужа сильно повлиял на Галину, еще совсем недавно это была жизнерадостная, веселая женщина сейчас же ее как будто то – бы подменили, она стала замкнутой, исчезла с лица светлая улыбка, погас огонек в ее лучистых темно-голубых глазах, редко стала общаться с людьми, даже с родственниками своего мужа. Радовало лишь одно, ее дети росли здоровенькими, а старшим сыном Степаном она и не нарадуется, высокий, крепкого телосложения, работающий, заботливый парень, к тому же лицом и характером был вылитый отец.

Через год, после ареста Дениса, семья покинула свою деревню, перебравшись ближе к городу, где жили родители Галины, куда они переехали вскоре после того, как Галина вышла замуж. Для Тихона Ивановича и Веры Петровны быть ближе к докторам стало крайней необходимостью, постоянное недомогание требовало лечения.

Жить стало значительно легче, но не прожили они и четыре года на новом месте, как внезапно умер отец Галины, Тихон Иванович и, опять остается Степан в доме за «старшего». Дед Степана был далеко не старый человек, но тяжелые раны, полученные во время Первой Мировой войны, давали о себе знать. Постоянные боли в груди с каждым годом только увеличивались, в итоге сердце не выдержало и на шестьдесят пятом году жизни его не стало. Только на два года пережила своего мужа Вера Петровна.

Деревня Николаевка, куда переехала семья Артемьевых, располагалась в весьма живописном месте вблизи небольшой реки, вдоль берегов которой бесконечной вереницей тянулись кусты тальника, черемухи и яблони. У самого берега теснился сплошной стеной густой, кудрявый кустарник, а на крутых поворотах над самой водой свисали длинные гибкие ветви ивы с узенькими листочками. По обе стороны реки тянулись сочные зеленые луга. Весь этот речной узор переходил в лесостепь с ее чудной северной флорой, вдали виднелись горы, оштетнившиеся молодыми березовыми и осиновыми деревьями.

Но, для Степана ни с чем нельзя было сравнить ту милую деревеньку – Покровку, где прошли его детские годы, он никогда не забудет утреннюю рыбалку, когда на речных перека-тах, блестя на солнце яркими цветами выпрыгивала из воды небольшая рыбка-хариус, хватая крючок со специальной приманкой – мушкой. Сколько было радости, когда на удочку попада-лись большие караси, что водились в озере, находящимся сразу же за рекой, вокруг которого с одной стороны рос густой камыш, с другой трясина, да сплошные кочки.

Или, отойдя не более полкилометра вниз по течению реки, мгновенно окунаешься в вол-шебную красоту смешанного леса, в мир сплошных ягодных деревьев и кустарников. Здесь и спелая, крупная черемуха, тут же рядом ярко-красная дикая яблочка, брусника и сплошь покрытые ягодой кустики боярышника, чуть подальше смородина, а внизу из травы выгляды-вает уже созревшая земляника. Когда все это созревало, дружной гурьбой в лес устремлялись деревенские ребята и днями там пропадали. А сколько было восторга, когда в знойный полдень с берега веселой гурьбой бросались в холодные воды горной реки, визг, шум и крики детей разносились далеко по окрестности. Такое забыть невозможно.

В отношении жизненного уровня поселки Трехречья после 1949 года стали беднее, люди начали разъезжаться, кто куда. Вверх по течению реки Аргуни ближе к тайге, образова-лись новые поселения. Главным занятием жителей этих новых мест, было скотоводство, цена на молочный продукт была высокой. В небольшом количестве сеяли пшеницу и овес для лич-ного пользования. Старались накосить, как можно больше сена, которое шло в тайгу по хоро-шей цене, также покупали сено жители ближайших городов.

В начале пятидесятых на городских базарах и в торговых точках еще можно было купить все, что нужно. Китайцам-огородникам разрешалось продавать свободно свой продукт, к тому же на рынок часто поступали в большом количестве фрукты, овощи, консервы, разных сортов алкогольные напитки, главным образом из числа тех товаров, которые были забрако-ваны Советским Союзом.

На пограничной станции Отпор проводилась инспекция всех поступающих грузов с южных провинций Китая, товар подлежал тщательному отбору и проверки на качество. Забракованную продукцию не было смысла везти обратно, её распределяли по ближайшим городам, станционным поселкам, деревням. Китай получал из СССР станки, паровозы, грузо-вые машины, сельскохозяйственное оборудование, трактора, расплачивался за все это продук-тами сельского хозяйства. Необходимо отметить, большей частью техника, которая ввозилась в Китай была подержанной, в первую очередь это грузовые машины, паровозы ФД, на некото-рых из них виднелись следы от снарядных осколков.

Первые две улицы деревни Николаевки, были расположены у склона пологой горы, кото-рая имела в этом месте полукруглую форму, вдавленную во внутрь. Восточный склон горы прижимался к озеру, большей частью мелководному, особенно в засушливое время года, остав-ляя неширокий дорожный проезд. Западная часть горы близко подходила к самой реке, со сто-роны долины и до самого ее подножия росли густые кусты ерника, стелящегося, выносливого и неприхотливого можжевельника, багульника, тут же среди них краснели невысокие кусты шиповника. Берега озера были малодоступны, большей частью заросшие камышом, или закан-чивались крутыми обрывами, водилось в нем два-три сорта рыб, главным образом караси.

В конце двадцатых, одними из первых поселенцев Николаевки были люди из погранич-ных поселков Трехречья, где с каждым годом становилось жить все опаснее и опаснее, были частые случаи, когда выкрадывали людей и они бесследно исчезали. Крайне сложной была обстановка в период советско-китайского конфликта (1929 год), когда жители ближайших к границе поселений были полностью разорены, а в некоторых поселках население было про-сто уничтожено карательными отрядами.

Население пограничных деревень бросали дома, погрузив на телеги все, что можно было взять с собой, поспешно покидали эту опасную зону. Кое-кто из них, еще до революции

имели заимки на китайской стороне, где держали молодняк, не рабочих лошадей, отары овец. Поэтому, покинув свои родные станицы, оставив там все, что было нажито годами, они находились в гораздо лучшем положении, по сравнению с теми, кто бежал, прихватив с собой только то, что можно было унести.

Беженцы с Трехречья в Николаевке безболезненно адаптировались на новом месте, а благодаря природным условиям, в первую очередь великолепными пастбищными угодьями с травами, имеющие высокую питательную ценность, их достояние стало быстро увеличиваться. Малоимущие имели возможность у них подрабатывать, постепенно и они сами становились хозяевами.

Деревня находилась в той части Хулунбуирского хошуна, где административное управление районом пока еще полностью находилось в руках монголов. Многие монголы имели большое количество баран, скота, лошадей и в основном вели кочевой образ жизни. Они охотно давали русским в аренду рабочий скот за небольшую плату. Нередко случалось, когда в холодные и снежные зимы, не было заготовлено необходимое количество сена для подкормки молодняка, тогда монголы отдавали его на определенных условиях русским крестьянам на прокорм. Из числа выживших зимой телят, монголы получали обратно большую их часть, но иногда только половину, смотря какой договор, так в деревне появился монгольский скот. Коровы были не очень удойные, но молоко было жирным.

Население деревни росло быстро и уже следующие две улицы шли по склону горы, постройка здесь существенно отличалась от других улиц. Это были наиболее просторные рубленые дома с палисадниками, расположенные вдоль улиц более гармонично и отличались своим разнообразием отделки. Фасад дома украшали белыми резными наличниками на окнах, некоторые делали резную окантовку дверей, от чего вид дома становился более привлекательным.

В русских поселках, образовавшихся на территории Маньчжурии, главным образом в районе Трехречья, Южно-Аргунского хошуна, сохранялись и береглись древние обычаи. Как и в дореволюционной России, оставалась неизменной этика семейных отношений, гостеприимство, взаимовыручка, также принято было старших называть по имени и отчеству. Существовала своеобразная структура русского праздника, которая включала в себя как религиозные, так и народные традиции. Семьи в основном были многодетными, старались сохранять единство семьи, как можно дольше, помогая друг другу «встать на ноги», поэтому всегда существовала братская поддержка и взаимовыручка в трудный момент. Беженцы одновременно с личным благоустройством, возводили православные храмы и школы.

Существенную власть имели выборные обществом атаманы, до прихода японцев, они полностью контролировали ситуацию в своих станицах и поселках. Атаманами выбирали людей авторитетных из числа бывших военных, отличившихся на фронтах сражений и они долгие годы в поселках поддерживался тот порядок, что существовал в их станицах на родине до революции.

Трехречье расположено в долинах трех рек: Ган, Хаул, Дербул, впадающих в реку Аргунь. Свое начало реки берут в предгорьях Хингана. В основном Трехречье заселено забайкальскими казаками, многие из них жили у самой Аргуни на ее левом берегу. Некоторые из них, как уже упоминалось, имели заимки на монгольской земле, где держали скот. Большинство беженцев оказались в Южно – Хулунбуирском хошуне, спасаясь от угроз, репрессий и коллективизации, но отдельные перебежчики были вплоть до военных событий 1945 года. Ган. Снимок 2017 год. Купается Г. Баранов.

Среди большинства выходцев из Забайкалья, в их религиозность глубоко проникли буддийские идеи. Русские обращались с просьбами к шаманам, в случае болезни, или за любой иной помощью. Многие почтительно относились к бурханам (божеству) и «чтили святые бурят-

ские места». В определенном месте, главным образом на вершине наиболее высокой горы, устанавливалась вылитая из бронзы, или меди статуя Будды и это место для монголов считалось обителью добрых духов-покровителей. В определенный день почитания Будды, монголы на это место приносят дары, главным образом это сладкая еда, например, как с сахарной начинкой пряники – «бобоны», специального изготовления и другие пряности, цветы, а также спиртные напитки.

Постройка домов проходила в том же стиле, что и на родине, были все те же предметы домашнего обихода, в любом доме устанавливалась русская печь, почти у каждого была баня. У многих при доме имелся небольшой огород, где обязательно имелся «рассадник». Это приспособление, огражденное досками, или горбылями, заполнялось навозом, сверху его посыпали толстым слоем земли, где выращивалась рассада капусты, помидор, огурцов, брюквы, редиски и. т. п. На ночь «рассадник» закрывали, предохраняя от заморозков, а днем держали открытым. Через какое-то время рассаду распределяли по грядкам.

Во дворах строили сараи для коров. Крышу покрывали соломой, а стены обносили плетнем, более защищенные от ветра и холодов укрытия делали для свиней и кур. Остальные дворы обносились разной изгородью. Дворы делились на скотские, конские, телятники, овчарни, последние определяли в подветренной стороне, овцы очень чувствительны к влажности.

В Забайкалье старались вывести улучшенную породу овец, завозили меринсовых баран, качество шерсти значительно повысилось, но эта порода требовала хорошего кормления, нуждалась в специальном уходе, зимой необходимо было создавать для них теплые условия.

Монгольские же овцы не прихотливы, они отличались жизнеспособностью, выносливостью, выработанной в течение веков в условиях кочевого содержания под открытым небом. Монгольские овцы сравнительно легко переносили любые суровые периоды маньчжурской зимы. Поэтому в Маньчжурии преобладала монгольская порода, меринсовые овцы встречались очень редко.

Жители поселков налаживали тесные контакты с находящимися вблизи городами и эта связь естественным образом влияло на деревенскую жизнь, пусть медленно, но все же меняло ее облик. Увеличилось число детей обучающихся в городе, в пятидесятые годы можно было встретить не малое число окончивших среднюю школу, не говоря уже о семилетнем образовании. Большое значение стала приобретать мода, пиджаки, галстуки, пальто сапоги становятся весьма распространенными среди молодежи. Женщины и девушки стали одеваться в шерстяные, или шелковые платья, появились модные юбки и кофты. Теперь уже редко встретишь разноцветный сарафан, который всегда являлся главным элементом женского традиционного костюма.

Три класса обучения Степан прошел в родной Покровке. Когда семья переехала в Николаевку, на тот момент здесь была только начальная школа, которую Степан окончил с отличием. Чтобы дальше продолжить учение нужно поступать в гимназию, но у матери не было достаточно средств, чтобы отправить сына в город. Не имея возможности учиться дальше, Степан находил радость и удовлетворение в чтении книг, которые он брал в школьной библиотеке, иногда книги привозила из города мать. Галина Тихоновна хорошо понимала душевное состояние своего сына, его горячее желание учиться, но ничем ему помочь она не могла, Степан был единственным ее помощником в семье.

Мечта учиться, наконец, сбылась. Однажды Степан пришел в школу, в очередной раз обменять книгу в библиотеке, молодой учитель, Михаил Сергеевич Пушкин, спросил его: «Почему ты не учишься дальше?». Степан объяснил ему причину, по которой он не может продолжать учение.

– Что ни будь придумаем, я завтра зайду к вам, – сказал Михаил Сергеевич.

На следующий день, после занятий он зашел к Артемьевым.

– Галина Тихоновна, хочу помочь вашему сыну с учебой, я буду заниматься с ним вечерами после школьных занятий. Если вы согласны, то мы приступим уже в ближайшее время, – предложил Михаил Сергеевич.

С радостью приняла Галина Тихоновна это предложение, но еще больше обрадовался сам Степан.

– С учебниками я все улажу и уже на следующей неделе, в понедельник вечером, я думаю мы приступим к занятиям.

– Я очень вам благодарна, но...

– Вы не беспокойтесь, – перебил ее Михаил Сергеевич мне за мою работу платить не нужно, я только буду рад помочь Степану, этому умному, способному парню.

Так началась другая, трудная, но интересная для Степана жизнь. Несмотря на то, что ему стало нелегко совмещать работу по хозяйству с учебой, тем не менее, он прилежно посещал вечерние занятия.

Погрузившись во все эти воспоминания, Степан не заметил, как солнце закрыли снежные тучи, крупными хлопьями повалил снег, быстро оказавшуюся под снежным пушистым покровом дорогу, вскоре не стало видно, но опытные лошади уверенно шагали, не сбиваясь с пути. Внезапно начавшийся снег продолжался недолго, вновь сквозь морозную пыль стали пробиваться лучи солнца. Дорога пошла в гору, Степан шел позади воза, любуясь пушистым белоснежным покровом.

После спуска с горы, дорога шла по середине широкой пади, вправо и влево виднелись заснеженные елани, вдали темнела гряда скалистых гор. Перед ним расстиралось огромное поле, покрытое снежной пеленой, под солнечными лучами оно сверкало, переливалось, играло разноцветными искрами.

Видимо, только что пересек дорогу небольшой зверек, опытный человек сразу бы определил кто оставил на снегу этот новый след, но Степану это было еще неизвестно. Под самой горой совсем близко перебежал дорогу табунок диких коз, которых в этой местности можно было встретить довольно часто, единственной опасностью для них были волки, а их водилось немало. Никто не охотился на зверя, у людей не было оружия, даже охотничьего.

Степан, шагая позади груженных саней, представил себе, как совсем недавно вот так же за возом дров шел его друг детства Миша Жиглов. На «родине» они жили по соседству, с раннего детства они были неразлучны. Отец Миши страдал запоем, который продолжался подолгу, а поэтому Миша рано познал все тяготы деревенской жизни. Он был старшим в семье, а она была большой, шестеро детей мал мала меньше.

В начале января Артемьевым пришло сообщение о страшной трагедии, которая постигла семью Жигловых, Миша трагически погиб, возвращаясь из леса с дровами.

Ранним морозным утром Миша запряг быка в сани и направился в лес. Осенью во время пожара выгорела большая лесная площадь, жителям было разрешено срубить погибшие от пожара деревья. Миша спилил несколько не толстых лесин, порезал их на части и, погрузив на сани, тронулся в обратный путь. По какой-то неизвестной причине Миша шел рядом с быком, может быть он часто сворачивал с дороги, хватая клочки сена, которые валялись вдоль пути, или он погонял его. Бог весть. Дорога шла вдоль склона горы, Миша шел с верхней стороны, в какой-то момент ноги у него, видимо, поскользнулись и он упал прямо под сани. Бык не остановился и сани подмяв Мишу наехали прямо на живот, полоз затормозило, воз остановился. Вполне вероятно, Миша стал кричать, бык тронулся, но тут лопнула сначала одна завертка, потом другая и, бык освободившись быстрым ходом направился в деревню.

К вечеру, на окраине поселка люди заметили, что идет бык с ярмом на шее, сразу же определили чей он и привели к Жигловым. Поняв в чем дело, несколько мужиков верхами поскакали в ту сторону откуда должен был приехать Миша с дровами. Издали увидели одинокий воз и никого вокруг. Когда подъехали ближе, то обнаружили страшную картину, Миша

лежал под возом, весь снег вокруг его головы был выбит руками до земли. Быстро перевернули воз, освободив уже застывшее мертвое тело подростка. Какая страшная смерть! Трудно представить ту смертельно – мучительную боль, которая разрывала тело юного, красивого, доброго паренька. Это событие потрясло жителей поселка, уже не говоря о убитой горем семье Жигловых, для них это был страшный удар, от которого они никогда не смогут оправиться.

Это воспоминание всегда вызвало слезы у Степана, ведь Миша был его лучшим другом, они были неразлучны, очень часто вместе спали в доме у Степана, или у Миши. Походы на рыбалку, или в лес за ягодами один без другого даже и не помышляли. Миша был авторитетом, его уважали ребята и как-то само по себе определилось, что он стал вожаком среди сверстников. Может быть потому, что он рано узнал жизнь со всеми ее проблемами и уже мог до какой-то степени их решать. **И** вот жизнь этого хорошего, доброго паренька трагически оборвалась, ему в то время не было и четырнадцати лет.

Степан очнулся от этих воспоминаний только тогда, когда, въезжая в поселок он услышал громкий лай собак из ближайших дворов. Был глубокий вечер, крепчал мороз, с темно голубых небес холодно мерцали первые звездочки, в окнах деревенских изб светились огни, из труб печей вырывались густые клубы дыма, устремляясь в бледно – изумрудную небесную высь.

Сосед сообщил, что Степан отстал, но скоро подъедет. В стяженной тужурке, подпоясанной широким кушаком одиннадцатилетний Игорь стоял у широко раскрытых ворот, поджидая брата. Въехав на просторный двор, Степан подогнал воза с дровами к самой поленнице, выложенной вдоль забора.

– Иди в дом сынок, Игорек распряжет и устроит лошадей – говорит мать, поджидая Степана на крыльчке. Разгружать воза будите завтра утром.

В доме было тепло, пышет жаром раскаленная печь, от стоящей на столе керосиновой лампы распространяется яркий свет по всему дому. Сняв полушубок, Степан присел на деревянный стул у обогревателя, на чугунных кружках уже стояла приготовленная пища, от которой шел аромат жареного мяса. Вскоре тепло разморило Степана и он почувствовал усталость во всем своем молодом теле. Быстро покончив с ужином, Степан вышел на улицу проверить как устроены лошади, убедившись, что все в порядке, вернулся в дом. Мать расспросила его о поездке, помогал ли ему Митяй, Степан на это ответил:

– Да, он давал мне хорошие советы.

Мать видела, как сын борется со сном и велела ему ложиться в постель, не прошло и пяти минут, как Степан уже спал здоровым крепким сном. Галина Тихоновна молча любовалась спящим сыном.

– Как он сильно похож на отца, – подумала она, – слезы хлынули из ее лучистых глаз.

Казалось, что все это было совсем недавно, когда Галина впервые встретила со своим будущим мужем, часто вспомнилось это необычное знакомство с ним и эти воспоминания теплом отозвались в ее сердце, ее лицо расцветало в улыбке. Жили они в разных поселках, тем не менее, молодежь в свободное время на какие – либо праздничные торжества ездили друг к другу в гости, оседлав не рабочих молодых лошадей, и часто случалось так, что некоторые из них мчались навстречу своей судьбе. В июле месяце в деревне В-Кули справляли престольный праздник, храм был освящен в честь иконы Казанской Божьей Матери, в этот день, обычно, съезжались жители с ближайших деревень.

Впервые на престольный праздник в этот поселок решил поехать Денис со своими друзьями, Семеном и Лукой. Выехали рано, чтобы успеть к церковной службе, остановиться решили у двоюродной сестры Семена, Анны Трухиной. После Богослужения люди еще долго не расходились, каждый встретил среди приехавших, то родственника, то друга, или просто знакомого.

Наши друзья направились вместе с Анной в дом Трухиных. Большой деревянный дом – пятистенка, располагался на верхней улице в конце деревни. В доме никого не было, кроме матери Анны – Евдокии, которая хлопотала на кухне, делая последние приготовления, праздничный стол был почти готов, оставалось расставить тарелки, вилки и ножи, за что принялась Анна. Хозяин дома Павел был приглашен к соседям, где собиралась компания с участием приезжих гостей, покинула молодежь и Евдокия, когда за ней прибежала соседская девчонка.

Вскоре подошло еще несколько человек молодежи и все дружно расположились за большим семейным столом. Анна усердно угощала гостей, подливая в рюмки, парням водку, а девушкам красного вина. За столом становилось шумно и весело, Анна попросили Дениса начать песню, она знала, что у него хороший голос. Песню вначале нестройно подхватили, но быстро «спелись» и полились русские народные песни одна за другой, веселые, порой грустные. Молодежь эти напевы переняла от родителей, без которых у них не проходило ни одно застолье. Родители этими грустными напевами, выражали свою тоску по той далекой, любимой и незабываемой родной стране. До самого вечера веселилась молодежь.

– Пора идти на танцы, – напомнил Семен.

Девушки быстро прибрали со стола и вся компания двинулась в сторону школы, где в просторном зале молодежь устраивала танцы. Из зала уже доносились звуки гармошки. Внутри народу было немного, но скоро зал стал наполняться. Денис, Семен, Лука держались вместе, Анна знакомила их с теми, кого они еще не встречали, приезжих из других деревень было немало. Вот прошли мимо три девушки, даже не взглянув на ребят.

– Анна, – говорит Лука, познакомь меня с той белокурой, красивой девушкой, которая так гордо только что прошла мимо нас.

– Чего ты стесняешься, иди и знакомься сам, ее зовут Галя Рудакова, – ответила Анна.

– Пожалуйста спроси ее желает ли он завести знакомство – настаивал Лука.

– Ну хорошо, от твоего имени сделаю ей предложение познакомиться – сказала Анна.

– Денис, – проводи меня через зал к той красавице, что заморозила твоего друга и я узнаю, желает ли она познакомиться с ним.

– Как – то неудобно, —ответил Денис

Но Анна подхватила его под руку и потянула за собой.

– Галина, – знаешь, что я тебе хочу сказать, с тобой хочет познакомиться молодой человек

– Я не против – бойко ответила девушка.

– Да ни этот, указывая на Дениса, а вот тот чернявый с густой шевелюрой темных волос.

– Ну, я пойду позову Луку – говорит Анна.

– А вы, что не желаете со мной познакомиться? – лукаво взглянув на Дениса, промолвила Галина.

– Да я, знаете, простите, растерялся, – смущенно пробормотал Денис.

– Меня зовут Денис.

– А я, Галя – ответила девушка.

Тут заиграла гармонь.

– Давайте потанцуем – предложила Галя.

И они закружились в танце. Закончился танец, за ним сразу же последовал другой.

– Ваш друг будет в обиде – насмешливо, чуть прищурился глазами, промолвила Галя.

– Будет обидно мне, если я не буду танцевать с вами, – удивляясь своей смелости, ответил Денис.

Они танцевали до самого перерыва, когда гармонист решил передохнуть. Денис поблагодарил Галю и проводил ее к подругам, которые расположились у стены под окном, посматривая в их сторону и весело переговаривались.

– Смотрите, Галя уже нашла себе кавалера, – сказала курносенькая, синеглазая девушка.

– Ничего, наши ребята так его пугнут, что он навсегда забудет дорогу к нам, – смеясь сказала другая.

– С таким парнем и я не прочь потанцевать, уж больно хорош собою, – говорит черноокая подруга Галины.

– Так друзья не поступают – с недовольством в голосе проговорил Лука

– Я первый ее заметил.

– Вот, когда будут дамы приглашать кавалеров, кого она выберет, так и будет – отпарировал Денис.

Когда было объявлено, что приглашают дамы, сердце у Дениса трепетало, заметно волновался и Лука. Гармонист играл вальс, кружились пары, наши приятели одиноко стояли в сторонке, их не приглашали. «Униженные» они вышли на улицу.

– Это точно, мы ей не интересны, – решил Лука.

Денис мучительно старался вспомнить, чем он мог обидеть Гаю. И, не находя ответа на вопрос, Денис вернулся в зал.

– Вы куда исчезли, – спросила Анна

– Галя спрашивала, где ты.

– Иди и пригласи ее танцевать. Не долго раздумывая, Денис решительной походкой направился к Галине и пригласил ее на танец. Ему показалось, что она обрадовалась. Они танцевали вместе весь вечер, к концу танцев они уже перешли на «ты».

Когда гармонист объявил последний танец, к Денису, когда он с Галиной о чем-то весело смеялись, подошли два парня, оба явно подвыпившие.

– Ты, это чё к Галке вяжешься, у нее есть парень, Колька Дубов, он сейчас в городе работает, – заявил с недоброй искоркой в глазах один из них, высокий, с коротко подстриженными волосами.

– Нет у меня никакого парня, – ответила ему Галина.

– Мы с Николаем соседи и, просто дружим с детства, – добавила она, заметив вопросительный взгляд Дениса.

– Но, он тебя любит, о чем говорил сам, – подключился второй приятель.

– А вот мне об этом не известно и идите вы, ребята, своей дорогой, – уже сердито сказала Галина.

– Колька наш друг и мы тебя предупредили, хорошо запомни об этом, – пригрозили они Денису.

– А второй раз встречаться с нами тебе не советуем, – продолжал угрожать Денису уже кулаками высокий парень.

– Это, что за ребята и почему такая мне угроза? – спросил Денис.

– У нас в поселке угрожают всем приезжим ребятам, чтобы они не ухаживали за нашими девочками, – ответила Галя.

– А ты, что испугался их, – с улыбкой спросила она.

– Да нет, – обиженно ответил Денис – я иду провожать тебя, несмотря на грозное предупреждение этих парней, до самого твоего дома.

– Как я вижу, ты смелый парень, а поэтому я не против того, чтобы ты меня в целности и сохранности доставил до места назначения, – смеясь, говорила Галина.

– За это я ручаюсь.

По пути, домой, их нагнала группа ребят, среди них уже знакомые им парни

– Ну-ка ты, паря, поворачивай оглобли и катись отсюда, иначе ребра поломаем, подступая к Денису, угрожал все тот же высокий, чернявый парень.

– А, что разве нельзя проводить девушку без вашего разрешения.

– Нет, мы чужаков не любим.

– Я вот смотрю, что вы очень храбрые ребята, впятером одного не боитесь, спокойно, даже с некоторой усмешкой, – сказал Денис. Можно же спокойно поговорить, предложил он.

– Нечево языком трепать и чтоб мы тебя возле Галки больше не видели. Мы тебя уже предупреждали, а тебе все нейдет, видимо, плохо соображаешь, следующий разговор с тобой будет другим способом. Понятно.

То ли невозмутимый вид Дениса и его спокойные ответы на их угрозы, или же внушительный вид широкоплечего парня, удерживал дебоширов от решительных действий.

– Пошли, Денис, – потянула его за руку Галина. Вслед им еще неслись угрозы, но дальше этого дело не пошло.

– Уж, наверняка, после таких угроз, теперь ты в нашем поселке больше уже и не покажешься? – улыбаясь спросила Галина.

– Их угрозы меня не волнуют, все зависит от тебя, приезжать мне, или нет – ответил Денис. Они договорились о следующей встрече.

Из рассказов старших, Денис знал, что еще «там», на родине, в родном Забайкалье, парни очень не любили, когда из их деревни чужие женихи увозили девчат. Часто девчат отбирали, а женихи возвращались, в лучшем случае с синяками, нередко у лошадей обрезали хвосты. Иногда жених ездил за невестой с группой поддержки, тогда разборки были более жесткие. Но это мало кого останавливало, но, тем не менее, все же чаще в ход пускалась дипломатия.

Дениса угрозы не смущали, он все чаще и чаще стал навещать В-Кули, очень уж по душе пришлась ему Галя и он уже несколько не сомневался, что окончательно влюблен в эту красивую девушку. У него появились друзья и в деревне его теперь принимали, как своего человека.

В июне Галине исполнилось восемнадцать лет. Её день рождения справляли в тесном кругу друзей. Денис приехал, когда все уже были в сборе.

– А мы, уже думали, что не приедешь, – сказала мать Гали, Вера Петровна.

– Извините, произошла небольшая задержка, – смущенно ответил Денис.

После угощения, еще некоторое время молодежь веселилась, обменивалась новостями, потом разошлись, чтобы встретиться вечером на танцах. Обычно в праздник летними вечерами молодежь собиралась на лужайке, где заливаясь играла гармошка, раздавались одна за другой песни, танцевали пары.

Денис и Галя решили погулять и направились на вершину горы, откуда можно было любоваться на окружающий их мир. Внизу виднелась извилистая голубая лента реки, берега которой местами густо покрывались зарослями мелких деревьев и кустарника. Сама долина представляла из себя темно-зеленое, слегка волнующееся море, украшенное разнообразием цветов. Издалека виднелись голубоватые очертания невысоких гор, сплошной грядой уходящих в даль. В вышине сияло поразительной чистоты и глубины голубое небо, свежий прозрачный воздух тихо колыхал легкий ветерок.

– Боже мой! Как хорошо вокруг! – воскликнул Денис, и сам не сознавая того, крепко обнял и прижал к себе Галя, она слегка вздрогнула, но не оттолкнула его.

Они долго ходили по полю, рвали цветы, обсуждали и говорили обо всем, что возникало в юных головах этой влюбленной пары. Денис давно хотел признаться Гале в любви, ее пленительный образ уже никогда не покидал его, но не хватало смелости, непонятная для него самого застенчивость, сковывала его мысли, терзала сердце. Возвращаясь домой, они решили идти через гору, спускаясь по ее крутому скалистому склону. Денис спрыгнул с большого камня вниз и протянул руку Гале.

– Прыгай, не бойся, я поймаю тебя. В следующее мгновение он ощутил, в своих объятьях, самое нежное, трогательно-беспомощное, для него бесценное существо. Он прижал к груди Галя и крепко, крепко поцеловал ее в горячие губы, ее лучистые глаза светились нежностью, озаренные внутренним светом.

– Я люблю тебя, Галя, люблю всей душой, без тебя я не могу жить. В ответ, Галя только сильнее прижималась к Денису, ее юное тело трепетало в сильных объятиях любимого человека. Наконец, она вымолвила:

– Я давно, давно люблю тебя, Денис, с первых же наших встреч. И опять в жарком поцелуе в единое целое слились эти два юных создания.

Его родители не удивились, когда он заявил им о том, что намерен жениться на Галине, они и сами хотели, чтобы их сын, наконец, определил свою судьбу,

перестал часто бегать в В-Кули. После окончания полевых работ, родители Дениса взяли с собой крестную мать сына и направились сватать дочь Рудаковых. Рудаковым Денис нравился, они одобряли выбор дочери, этот спокойный, выдержанный, обходительный парень был им по душе. Свадьбу решил сыграть после Пасхи.

Сравнивая с тем, как, обычно, устраивают свадьбы в деревне, свадьба Артемьевых была более скромной. На невесте было белое свадебное платье, которое выглядело на ней нежно и женственно. Гости восторгались красотой и природной грацией девушки, счастливая улыбка не сходила с лица влюбленной Галины, она держалась просто и естественно. Восхитительная улыбка не покидала Дениса, молодая красивая пара вызвала бурный восторг окружающих.

Этот брачный союз двух влюбленных молодых людей имел всеобщее одобрение, их родители были искренне счастливы. Взволнованный отец Гали пожелал новобрачным счастья в их семейной жизни, отдельно обратился к дочери.

– Дорогая Галя, ты вышла замуж за Дениса по любви, так будь же ему хорошей женой, хорошей матерью, хорошим другом, живи в полном согласии со своим избранником. Мир, да любовь вам, мои дорогие. Храни вас Господь.

Один за другим последовали поздравления, конечно, не обошлось и без «Горько».

На свадьбе присутствовали, главным образом родственники и ближайшие друзья Артемьевых и Рудаковых. После свадьбы молодые стали жить у родителей жениха, а когда появился первенец – Степа, они переехали в свой дом.

Проснулся Степан, когда в комнате уже было светло, бодрый и отдохнувший он быстро оделся, набросив полушубок на плечи, вышел на улицу. Игорь бросал сено лошадям и скоту, мать доила коров. Степану стало как-то неловко, что проспал, стал помогать брату, чистить дворы. Закончив с уборкой, войдя в дом, братья увидели, что завтрак уже на столе.

– Умывайтесь, молитесь, будем завтракать мои работнички, с ласковой улыбкой, взглянув на сыновей, – промолвила мать.

Проснулись и остальные дети, в доме сразу стало шумно, спорили кому первому пользоваться умывальник. Умывальник представлял из себя простое устройство, цилиндрической формы сосуд прикреплялся к стене, внизу к нему впаивалась изогнутая трубка с краном. В сосуд заливалась вода и, открыв кран, вода лилась тонкой струйкой. Хотя под умывальником стоял большой таз, тем не менее, матери всегда приходилось протирать пол, очень уж азартно умывалась детвора.

Каждому налито по стакану молока, в сковороде яичница-глазунья, да поджаренные на масле ломти пшеничного хлеба. Покончив с едой Степан и Игорь пошли разгружать воза. Им предстояло не только разгрузить, но и помочь матери отнести молоко на завод, расположенный на окраине деревни, а затем начать пилить дрова.

Мелкими хлопьями падал снег, сквозь снеговую завесу с трудом пробивались солнечные лучи, ветру не было, но чувствовалось прохлада зимнего утра. Тупая пила медленно врезалась в древесину, вскоре младший брат стал уставать. Степан вспомнил, как умело оттачивал пилу дед и как она весело звенела, выбрасывая крупные опилки, сам он точить не брался, но горел желанием научиться.

– Давайте-ка я её снесу к плотнику Прокопию Елкину, он ее поточит, – сказала мать.

Прокопий охотно согласился выточить и сделать разводку, В корне отказался взять деньги за работу. Он очень рано овдовел и имел виды на красавицу Галину Тихоновну, но она его ухаживание не принимала, тем не менее, Прокопий не терял надежду и терпеливо ждал своего часа, стараясь проявить заботу и как то ей помочь.

По-другому зазвенела пила и к обеду один воз был испилен, а после обеда дрова накололи и сложили в поленницу. А между делом нужно было еще напоить скот и лошадей, прибрать в ограде и раздать новую порцию сена.

Прилежно и старательно Степан продолжал учение, Михаил Сергеевич проходил с ним программу за два года. Так как Степан учился заочно, то предстоящей весной он должен поехать на экзамены в город, а не сдавать в николаевской школе, такова была воля инспектора всех русских школ А. А. Вагиной. В городе Якэши, с начала сороковых прошлого столетия была открыта Полная Средняя Русская Школа. Многие преподаватели имели солидный опыт, они работали еще в дореволюционной России. Первый директор гимназии С. А. Таскин, затем, Кобылкин, Куклин, Вагина.

Михаил Пушкив, окончив десять классов с золотой медалью в городе Харбине, продолжать дальше учение он не имел возможности. В семье были еще брат и сестренка, оба младше его. Мать, Валентина Петровна работала преподавателем в школе, но ее заработка не хватало, Михаил вынужден был искать работу.

Отец Михаила ни в каких организациях не состоял, тем более никогда не работал у японцев, попал под арест вместе с другими, которых чекисты пригласили на собрание для обсуждения методов стабилизации создавшейся обстановки, после военных событий. Более ста приглашенных на собрание, никто из них домой не вернулся, все попытки родственников узнать о их судьбе, наткнулись на единственный ответ.

– Разберутся, если не виновны, отпустят.

Но, этого не произошло, люди, как в воду канули. Много лет спустя станет известно, что все они оказались в советских концлагерях, некоторые из них там и сгинули.

Семья Пушкивых тяжело переживала надвинувшуюся на них беду, они еще долго будут обращаться в разные инстанции, делая запросы, но никто и никогда не давал им определенного ответа на вопрос, что произошло с их отцами и мужьями.

Михаил устроился в механическую мастерскую учеником, заработок был не велик, но все же была, хотя и небольшая, но помощь матери. Он еще поменял несколько работ, пока ему, двадцатилетнему парню не поступило заманчивое предложение работать преподавателем математики в семилетней школе поселка Николаевка, он дал на это свое согласие, несмотря на то, что это было очень далеко от Харбина. В поселке только что открыли семилетку, добавив еще три класса, а поэтому шел набор преподавателей.

Трудно было привыкать к деревенскому образу жизни, человеку, который кроме своего города никуда не выезжал и нигде не бывал. Как сказано у Тургенева в рассказе Муму, «... ко всему привыкает человек...», так и Михаил Сергеевич привык к новой обстановке. В силу своего скромного, обходительного и выдержанного характера, быстро вошел в контакт с преподавателями, а затем и с родителями, а для учеников он вскоре стал непреложным авторитетом. Михаил Сергеевич часто жертвовал своим отдыхом, подтягивая отстающих учеников, занимаясь с ними дополнительно вечерами, к тому же вел регулярные занятия со Степаном.

Сам, являясь хорошим спортсменом, он открывает в школе спортивные секции, при этом еще занимается изысканием средства для приобретения необходимого инвентаря. Михаил Сергеевич был выше среднего роста, стройный, широкоплечий, светловолосый, с правильными чертами лица, особенно выделялись его большие голубые глаза. Не одна девушка задерживала свой взгляд, встречаясь с ним, но у него просто не хватало времени, чтобы обратить на кого-то серьезное внимание. Если устраивались танцы, то он неизменно приходил со своей коллегой, молоденькой учительницей Татьяной Петровной Бигаевой.

Жил Михаил Сергеевич в помещении, которое находилось на склоне горы тут же при школе. Занимал небольшую комнату, она единственным своим окном выходила в открытое пространство речной долины, вдоль которой голубой лентой, зигзагами протекала горная река, сверху из окна была видна и часть поверхности озера. Вечерами, в полном окружении тишины, глядя в окно, он подолгу любовался этим чудесным видом, и цепью высоких гор, темнеющих в дали, и ночным звездным небом, вглядываясь в загадочную глубину небесной вышины, и на мерное колыхание листьев, росшей под окном кудрявой березы.

Время от времени его вечерний покой нарушала общительная и словоохотливая средних лет женщина, «тетя» Варя, по совместительству она прибиралась и в его комнате, являясь уборщицей школьных помещений. Иногда, проявляя любезность, она для него готовила пищу, но большей частью ее готовил он сам. У Варвары Семеновны муж был увезен, детей у них не было, ей хотелось общением скрасить свое одиночество. Однажды, для Михаила Сергеевича эта сформировавшаяся спокойная жизненная идиллия слегка нарушилась.

Четыре просторные деревенские улицы пересекались двумя широкими переулками. Первый переулок считался центральной улицей и проходил по самой середине деревни, на углу второй улицы и переулка располагался продовольственный магазин и торговое отделение. В лучшие времена здесь можно было купить любой товар широкого потребления, тут же располагалась почта.

Через дорогу от магазина находилась китайская лавка старика Ла – вана, в ней же находился и небольшой ресторанчик (в народе его звали-забегаловка) с китайской кухней. Наконец, на углу третьей улицы в большом помещении располагалась поселковая канцелярия и молодежный клуб. Несколько в стороне, от центра бойко торговала бакалейная лавка, в ней можно было купить разные редкие вина и крепкие напитки. Хозяин её, предприимчивый китаец Сюй-ян-чен торговал даже запасными сельскохозяйственными частями. Рядом с магазином, между первой и второй улицей, находилась пустынная площадь, освободившаяся после того, как молочный завод был перенесен в другое место. Эту площадь использовала молодежь для разных развлекательных игр, также место стало центром встреч, гулянок.

В праздничные дни, или в свободное от работы время на площади собиралось множество людей, каждый находил применение своим способностям. Молодежь играла в волейбол, лапту, городки, устраивала состязание в беге, в борьбе, очень популярную среди монгол, в такие дни они съезжались к магазину за покупками. Около лавки, прямо против дверей, старшее поколение с большим азартом катало бабки, иногда по серьезным деньгам.

В деревне были еще несколько китайских семей, одни из них сажали огороды, снабжая всю деревню овощами, другие занимались сельским хозяйством, переняв у русских опыт ведения сельского хозяйства. У одного из них, Василия (так его называли русские) было солидное хозяйство, породистые коровы, хорошие кони, сотни две баран. Когда-то у него была всего лишь небольшая торговая лавчонка, где можно было купить: нитки, иголки, гребешки, ленточки, наперстки, мыло и. т. п. Тогда он для всех был Васькой-китайцем, а лет через десять его стали уважительно называть Василием.

После военных событий 1945 года все русские школы перешли на программу советских школ, естественно произошла почти полная замена старых учебников. Началось перевоспитание преподавателей, им устраивали лекции по истории коммунистической партии, основам ленинизма, а главное шла проверка, усвоен, или нет ими данный материал. Выдавали советские паспорта, вернее вид на жительство, но так как первоначально желающих стать подданными СССР было не так много, в городах стали запугивать, что они будут ограничены в правах и, что их не будут брать на работу.

Появилось множество современной литературы, красочных журналов, а главное в русские поселки часто стали привозить кинопередвижки, показывались фильмы о войне, о кол-

хозной жизни, гигантском строительстве фабрик, заводов, городов. Все это магически влияло на молодежь, лишь в немногих семьях шла разъяснительная работа, с указанием на явное пропагандистское содержание большинства этих кинопрокатов.

В школах стали создаваться молодежные кружки. На первой стадии детей, вступивших в организацию, называли юнаками (юные активисты), а в подростковом возрасте членами ССМ (союз советской молодежь). Идеологическое воспитание настолько сильно влияло на молодые умы, что когда умер И. Сталин многие активисты сильно скорбели и неутешно плакали горькими слезами. Когда же они оказались в Советском Союзе в 1954 году, то были свидетелями того, как русский народ проклинал Сталина за его многие злодеяния.

Поэтому, когда под давлением советского правительства в 1949 году китайские власти решили провести показательную коллективизацию в русских поселках, эти активисты проявили себя во всей своей красе, к ним примкнули неудачники, лентяи, пьяницы, картежники. Как не странно, среди активистов оказались некоторые дети арестованных и увезенных в СССР. После лишения хозяина-кормильца, многие хозяйства стали разоряться, в таких семьях жить становилось все труднее и труднее, нужда заставляла жен увезенных вступать в колхозы. Выживали самостоятельно только те, кого поддерживали родственники.

Китайцев этот эксперимент не коснулся и, когда власти увидели, как катастрофически снижается поголовье скота в русских колхозных хозяйствах, после девятимесячного их существования, колхозы было приказано распустить. И только через десять лет прошла полная коллективизация в Поднебесной.

Тем не менее, колхозы нанесли ущерб крестьянам, особенно пострадали поселки Трехречья. К тому же, после окончания военных действий тысяча девятьсот сорок пятого года, огромные стада скота, гурты овец, табуны лошадей погонщики гнали, через границу, на территорию Советского союза. Все это было пожертвовано на Красную армию жителями Трехречья и других районов. Случалось многократно, во время перегона, попадались на пути скот, бараны, лошади жителей поселков, перегонщики включали и их в общую массу. Но самый чувствительный удар по Трехречью все же был нанесен тогда, когда тысячи людей, молодых и здоровых были арестованы и депортированы в СССР. После таких потрясений, жители Трехречья никогда уже полностью не оправятся.

Вновь восстановить свои хозяйства до предвоенного уровня, у жителей Трехречья не было возможности, исчезли заработки, нарушился товарообмен, упали цены на весь сельскохозяйственный продукт, обесценился скот, лошади. За короткий срок облик этого, когда то цветущего края сильно изменился, многие стали покидать насиженные места и разъезжаться по городам и станциям.

Открытие целины, можно сказать, было для большого числа трехреченцев единственным выходом из того, весьма трудного положения, в котором они оказались после всех этих событий, им буквально приходилось выживать, некоторые искали работу в городах, но не всегда ее там находили.

Гораздо в лучшем положении оказались русские поселки на территории Хулунбуирского хошуна, находящихся ближе к железной дороге, здесь коллективизация шла вяло, монгольские власти не особенно поощряли этот метод ведения хозяйства. Поэтому на жизненном уровне людей, в этом районе, все эти преобразования особенно не отразились. Благодаря местным властям, в некоторых поселках вообще не было попыток создавать колхозы.

В сознании монгол, этого свободолюбивого, вольного народа никак не укладывалось, как это можно всех объединить в одно целое и в руководство назначить выборного человека. Поэтому и в дальнейшем, монголы дольше всех сопротивлялись всеобщей коллективизации.

Зима в этом году была особенно холодная, в начале декабря почти не было снега, только во второй половине месяца начались снежные метели, повсюду намело огромные сугробы,

розовым инеем покрылись деревья С начала января, на некоторое время установилась хорошая, безветренная погода, и если иногда и выпадал снег, то мелкими хлопьями.

В первый день Рождества Христова, после церкви каждая семья садилась за стол, «разговляться», все происходило торжественно и чинно. Рождество, удивительное время года, в этот день каждый старается в большей степени подарить чувства любви и добра своему ближнему, пожелать счастья и радости в эти светлые дни великого праздника. Для детей устанавливали елку, обычно украшали её после богослужения рано утром (когда малые дети еще спали) это делалось в тех семьях, где еще строго соблюдались установленные правила. Но, часто можно было наблюдать, когда во многих домах это делалось уже до всенощной службы.

Украшали елку доступными для того времени игрушками, а большей частью это были самодельные красочные изделия, которые изготавливали изобретательные русские женщины. Для детей обязательно готовились подарки и размещались под елкой, поэтому Рождественское утро было особенно радостным для малышей, проснувшись они бежали к ней, каждый находил там свой мешочек, и тут же выяснял его содержимое. В основном это были сладости, орехи, а кое у кого даже обновка, приготовленная к празднику.

За праздничным столом находилась и семья Артемьевых, Здесь тоже готовились к празднику, стряпали пельмени, делали котлеты, голубцы, жаривали окорок, не говоря уже о сладких тортах и булочках. Как не скромн был семейный бюджет Артемьевых, к этому большому празднику Рождества Христова готовились основательно. Радовалась, любясь своим детьми Галина Тихоновна, они ее сокровище, они ее счастье! Смотрела восторженно, как ее дети, особенно малые, радовались подаркам под елочкой, которые она для них подготавливала в течение года.

В этом году на празднике у Артемьевых присутствовал Михаил Сергеевич, вдали от родных ему было приятно провести этот праздничный день в кругу хорошей, дружной семьи.

Галина Тихоновна не хотела говорить о своей Денисе в этот день, чтобы не расстраивать детей, но о нем напомнил Степан, он думал о нем постоянно, минуты расставания с отцом, никогда не исчезали из его памяти.

– Где же сейчас наш папа и, что с ним, жив ли он, – с грустью промолвил Степан

– Жив, жив он, мои родные. Я верю, что мы скоро с ним встретимся, – успокаивая детей, ответила мать.

Говоря это, она сама с трудом верила, что встреча когда – либо произойдет и от этой мысли сердце ее сжимала жгучая боль. Остаток обеда прошел в безмолвии, каждый мысленно вспоминал тот день, когда они в последний раз видели отца. Младшие Ирина и Илья, не имели даже представление о своем отце, они видели его только на фотокарточке. Когда отца арестовали Ире было два года, а Илье несколько месяцев.

Михаил Сергеевич понимал, что никакие слова сочувствия не помогут и не отвлекут от нахлынувшего воспоминания об отце и муже. Поблагодарив за оказанное ему внимание, он еще раз поздравил со Светлым праздником Рождества Христова и ушел.

У кого была возможность и желание, то те праздновали по несколько дней. Было принято, утром отдавать «визиты», визитеры ходили главным образом по своим родственникам, но также посещали и особо уважаемых ими людей. Обычно «визит» длился не долго, заключался он, главным образом, в поздравлении с праздником, хозяева же, со своей стороны предлагали угощение, через десять, пятнадцать минут, гость отправлялся дальше. Бывало «визитеры» по два — три человека, но тогда уже в последние дома заходили, весьма навеселе, нередко с песнями.

Несколько семей создавали «компанию», в основном это были родственники и ходили друг к другу из дома в дом. К концу дня повсюду были слышны громкие голоса, песни, звуки гармошки.

Днем дети и подростки катались на санках с горы, или по зеркальной глади застывшего озера. Молодежь также группировалась, после того, как «компания взрослых» направлялась в другой дом, молодые парни и девушки занимали освободившиеся места, молодые хозяйки угощали своих гостей. Так было издавна заведено, еще в Забайкалье в русских деревнях.

Также соблюдался христианский обычай, когда священник обходил дома верующих, «славил Христа», в сопровождении небольшого хора, желая всем здравия и благоденствия.

До 1945 года, празднование Нового Года проходило по старому стилю, то есть, четырнадцатого января. Кроме того на святках принято было гадать, петь колядки (песни), рядиться в разные причудливые одежды, это были пережитки прошлого, еще сохранившиеся языческие традиции, «полюбившиеся» христианам. Позднее, колядки изменили свое направление стали исполняться духовные песнопения, прославляя Родившегося Христа (славили).

Для молодежи в деревнях, святки это бурный период их самостоятельности. Ряженая молодежь, шеголяя своими красочными костюмами ходила по улицам, заходила в дома, если кто их впускал, бывало и озорничала, но, в рамках дозволенного. То заташат сани на крышу бани, то санями улицу перегородят, то дрова перенесут с одного места на другое, да и мало ли чего еще придумают. Откуда это «озорство» взялось, вряд – ли кто скажет с уверенностью, но такое «действие» проходило из года в год только в святочные дни, до будущих гуляний эти причуды давали пищу для разговоров и шуток.

В поселке Николаевка был такой случай. Трое подростков, нацепив на длинный шест пустую деревянную бочку, другой конец пытались воткнуть в широкую щель, образовавшуюся в земле в следствие сильных морозов. Ночь была звездная, морозная, поселок полностью еще не замер, то там, то тут слышались голоса, да где-то в конце улицы пели девушки.

Как не старались ребята исполнить свой замысел, ничего не получалось, не хватало силенок. Как раз мимо проходил Дмитрий Иванович Тараканов, в настроении, в меру пьяненький. Шел не спеша, насвистывая веселую мелодию. Тут он увидел ребят.

– Ну, что, ребята помочь вам?

– Помоги, дяденька.

Наконец, совместными усилиями, бочка на длинном шесте была воздвигнута на видном месте. Довольные ребята поблагодарили Дмитрия Ивановича за помощь, тот тоже был рад тому, что помог ребятам и радостный двинулся дальше уже напевая песенку.

Но, утром следующего дня у него было другое настроение, разгневанный прибежал к одному из «компаньонов».

– Вы, что, хулиганье натворили? Зачем мою бочку на шест подняли? Да, я вас... -кричал Дмитрий Иванович.

– Дяденька, дак вы сами, нам помогали, помните? – робко напомнил ему мальчишка. Смолк Дмитрий Иванович, сказать больше нечего.

– Ну, тогда помогите хоть снять...

Над этим еще долго в народе смеялись.

Степан усердно готовился к экзаменам, Михаил Сергеевич уделял много для него времени, помогая ему усвоить предметы, ему очень хотелось, чтобы этот умный, старательный паренек получил образование.

В личной жизни Михаила Сергеевича стали происходить перемены, пока он сам еще полностью не осознал, что с ним происходит на самом деле. Он руководил седьмым классом, где было одиннадцать учеников, из них пять девушек. Он чувствовал повышенное внимание к себе, некоторых из них, при встрече одаряли они его яркими улыбками. Не обращая на это внимание, он игнорировал их чары и строже относился к ним. Однажды, в начале урока, Михаил Сергеевич попросил учебник, чтобы взглянуть, что дальше по теме. Когда он раскрыл

учебник, между страницами была вложена записка: «Сегодня меня не спрашивайте, я не готовила урок». Он на какое – то время даже растерялся и не мог понять, что это значит.

После занятий, он попросил одну из девушек задержаться.

– Елена Яковлева, если для тебя непонятно задание по геометрии, почему ты не сказала мне об этом еще вчера, -спросил он.

– Я считала, что мне все понятно.

– Давай разберемся в чем дело, – говорит Михаил Сергеевич.

– Хорошо, чуть смутившись, – ответила Елена.

Они не долго капались в сложной теореме, Михаил Сергеевич был удивлен как быстро Елена смогла разобраться во всем.

– Если будет, что не понятно, обращайся.

– Хорошо. До свидания.

Михаилу Сергеевичу казалось, что это простой, заурядный случай, но когда это же самое повторилось несколько дней спустя, а затем опять, он начал сердиться. Задержав Елену после занятий, он со всей строгостью сказал ей, что все это пора прекратить.

– Больше этого не будет, – заверила она своего учителя.

Некоторое время все шло, как обычно. Но однажды опять Михаил Сергеевич обнаружил записку: «Сегодня меня спросите, я выучила урок». Он проигнорировал просьбу Елены, а она после занятий, даже не взглянув на него, ушла не попрощавшись. Он терялся в догадках и был озадачен, в чем же он был не прав, он даже не подумал о том, что девушка этим хочет обратить на себя его внимание.

Окончилась третья четверть, в школе объявлен двухнедельный отдых. Михаил Сергеевич решил поехать домой, навестить мать, братишку, сестренку и бабушку.

За несколько дней до отъезда, случайно, как ему показалось, он встретил Елену Яковлеву около магазина.

– Вы, едите домой, -спросила она.

– Да, – ответил он.

– А почему, Елена, ты стала так относиться ко мне, почти перестала здороваться и всячески избегать. В чем дело?

– Да ничего, просто так.

– Нет, что-то просто совсем не так, скажи прямо и откровенно, – попросил Михаил Сергеевич.

Наступила молчание. Он видел взволнованное, покрытое ярким румянцем лицо девушки и ждал от нее ответа. Елена продолжала молчать.

– Ну, хорошо, я всю дорогу буду думать о том, в чем все же я виноват, а как только пойму свою вину, я тебе обязательно напишу- улыбнулся Михаил Сергеевич.

– Пожелай мне счастливого пути, Елена.

– Счастливо, до свидания, – это все, что она сказала, – быстро повернулась и ушла.

К восточному концу деревни, вторая и третья улица сходились в одну и дальше дорога шла круто в гору, в конце ее находилась просторная, деревянная церковь. У подножья горы находилась кузница и вальцовая мельница семьи Тулимовых, которая чаще ломалась, нежели работала, ввиду ветхости оборудования. Кузница же работала исправно, умелый кузнец полностью обслуживал не только свой поселок, но и соседей. Старший в семье, семидесятилетний Сергей Степанович, еще в России был мастером на машиностроительном Воткинском заводе.

На Воткинском заводе создавались высококвалифицированные кадры специалистов и мастеров по всем многочисленным профессиям огромного производственного предприятия. Профессии, большей частью, переходили по наследству. Сыновья рабочих, после окончания

учения в школе, становились подручными и подмастерьями на заводе. Нередко бывало, когда рабочий, достигал пенсионного возраста, передавал свой станок сыну.

Сын Сергея Степановича, Терентий, когда началась Гражданская война был подмастерьем на заводе в машиностроительном отделении. Рабочие Воткинского и Ижевского заводов, не приняли диктатуру пролетариата и выступили против большевиков, примкнув к восставшим крестьянам. Сам Тулимов и его семнадцатилетний сын вступили в ряды рабочей армии.

Воткинский и Ижевский заводы сформировали и вооружили две воинских единицы, численностью до 25 000 бойцов воткинцев, ижевцев было 15 000 человек. Под командованием генерала Каппеля армия одержала ряд громких побед, но силы были не равны и с тяжелыми боями рабочая армия медленно отступала на Восток. После полного поражения в гражданской войне, многие ушли в Китай, среди них была и семья Тулимовых, которая вместе с ними несла тяготы «Сибирского ледового похода».

Терентий Сергеевич, когда критически не хватало запасных частей для сельскохозяйственных машин, старался некоторые из них произвести сам. Ему с отцом приходилось работать напряжено в горячую пору сенокоса и уборки урожая.

После войны, на полях сражений, оставалось много разбитой техники. Так вот, одну разбитую трехтонку, Терентий Сергеевич приволок (в полном смысле этого слова), так как колес у машины не было и начал, между делом, ее восстанавливать. Пять лет взяло у него, чтобы машина «оживала», и что только там не нужно было заменять! Так как бензин не возможно было достать, он подделал мотор на газ. Для этого установил на машине топку, котел, при плотной загрузке древесиной (чурочками) и ее сжигании вырабатывался горючий газ, который шел в цилиндры. Приспособил окованные железом деревянные колеса, сделал рулевое управление.

И в один прекрасный день, Терентий Сергеевич решил испытать свое «изобретение». Motor с шумом завелся, а когда машина тронулась, все начало скрипеть, трещать, на ухабах это необычное «творение» страшно трясло. Мальчишки, изъявившие желание прокатиться, начали на ходу выпрыгивать из кузова, метров через сто, машина встала, что-то отвалилось. В итоге, подогнали быков и отвезли «чудо техники» на то место, откуда начался ее «героический путь». Может быть Терентий Сергеевич и добился бы своей цели, но начавшиеся события похоронили его мечту.

Второй переулочек начинался от озера, пересекая все улицы, он уходил в гору. По этой, поперечной улице была расположена большая (в масштабе поселковых) школа – семилетка, тут же дом, имеющий несколько квартир для учителей и отдельный домик для сторожа.

В конце улицы, по обе стороны находились дома сельских богачей, они выделялись своим размерами, размахом приусадебных построек. Это были братья Митрохины, Шиловы, братья Юзовы, Михайловы, Былковы и др. Если разобраться, то все верхние улицы (третью и четвертую) вообще занимали крепкие, зажиточные мужики. При основании поселка, первоначально все селились внизу под горой, но шли годы, семьи увеличивались, началось строительство новых домов, а старые продавались вновь прибывшим поселенцами, которых также привлекали просторы горных и речных долин.

Последний месяц зимы февраль и первый месяц весны, время подготовки к посеву. Чинился сельскохозяйственный инвентарь, поправлялась сбруя, налаживали телеги, требовалось заново перетянуть шинами колеса. Вывозили с поля последние запасы сена, часть этого сена нужно было отвезти на заимки, чтобы подкармливать рабочий скот во время пахоты, так как трава только что начнет появляться на проталинах.

Заготавливался лес для починки стоек, дворов, огородов. За материалом нужно было ехать далеко, по близости уже все было вырублено. Приготавливали молодых бычков к пахоте, запрягали их в телегу и возили на них какой ни будь не значительный груз. А на масленице обучали молодых лошадей отчаянные подростки, лихо носясь по степи.

Свадьба в Трехречье в 30-е годы

С Рождества Христова и до самой масленицы было время, когда проходили свадьбы, но главным образом они справлялись осенью, после того, как заканчивалась уборка урожая, тогда значительно больше было свободного времени. Женились, большей частью на местных девушках, но были нередкие случаи, когда невест привозили с других поселков и, даже из городов. При нежелании родителей отдать свою дочь за «чужака», или парень родителям был не по душе, отверженный жених пускался на крайности, «воровал» невесту.

О «методе» похищения уже было сказано ранее, но необходимо отметить особый случай, когда сватовство совершалось не единожды, как и «воровство» этой невесты происходило несколько раз. Молодые, о которых пойдет рассказ, жили в разных местах, девушка в небольшом отдаленном поселке, от Николаевки вниз по течению реки. Познакомились они на танцевальной вечеринке, когда молодежь собралась отовсюду на какое-то торжество и с тех пор парень и девушка стали тайно встречаться. В один прекрасный момент девушка заявляет родителям, что она выходит замуж. Для родителей, это как гром среди ясного дня разразился, в первое мгновение они не нашли даже нужных слов, а когда нашлись слова, то тут и началось.

– Ты, что с ума сошла, – громко крикнул отец, – мы даже не знаем, кого ты подцепила, негодница. Ты еще молода думать о замужестве. Да, я тебя на заимку упеку, будешь там жить безвыездно.

– И, кто твой хахаль, – ввязалась в разговор мать, – у нас в поселке, почти одно родство.

– Дима, с Николаевки. Такое признание только добавило пыли разгоряченным родителям.

– Мы его не знаем, да и кто его родители, может быть пьяницы, неудачники, нищету будешь плодить.

– Нет, не быть этому и забудь о нем навсегда, – уже кричал отец

– Помогать надо матери, ты единственная помощница, без тебя она не справится со своей домашней работой, семья большая, – продолжал рассерженный отец.

– Вот, поженятся старшие братья, тогда и думай о свадьбе, тоже нам невеста, жить то путём еще не научилась, – ворчала мать.

– Да вы его не знаете, он очень хороший, Мальковы известные люди в поселке. Но никакие доводы, бедной девушки, не принимались, а только еще больше возбуждали разгоряченные сердца родителей. Маня со слезами выбежала из дома.

Егор Семенович и Вера Антоновна Тюрины считали, что они успокоили, вразумили дочь. Но не тут то было, Маня сообщила своему возлюбленному, чем закончился ее разговор с отцом и матерью.

Родители Дмитрия решили, чтобы уладить этот вопрос им нужно самим поехать сватать Марию. Надо было взять паузу, чтобы все успокоились, приутихли, но к сожалению этого не произошло. А поэтому, на следующей недели, когда приехали родители Дмитрия, Тюрины их даже не пустили в дом.

Дмитрий оказался не из тех кто пасует перед лицом неудач, разработал свой план, как похитить невесту. Об этом он сообщил девушке запиской, поздним вечером в назначенное час он должен встретить ее за околицей вместе с подружкой Аней. Первоначально все шло по плану, девушки пришли в указанное место, Маня прихватила с собой узелок с одеждой, девушки быстро сели в кошеву и пара добрых лошадей с места рванула в открытое поле.

Все бы обошлось, да кто-то заметил заговорщиков и сообщил родителям. За беглецами бросились верхами на лошадях Манины братья, быстро их настигли. Дмитрий попробовал сопротивляться, но крепкие ребята быстро его скрутили, намяв ему бока усадили в кошеву, направили лошадей на дорогу, ударив нагайкой по кореннику. Кони с места рванули и кошева

с незадачливым женихом исчезла в ночном мраке, а бедную Маню и подружку по темноте заставили идти обратно в деревню пешком.

С этой поры Маню никуда не выпускали из поселка, да и Дмитрию сюда путь был заказан. Единственное, что связывало влюбленных, это редкие записки, что передавались через верных им людей.

Широкая масленица особое время года, ее можно рассматривать, как озорное и веселое прощание с зимой и встреча весны, несущей оживление в природе и солнечное тепло. В древние времена люди воспринимали весну, как зарождение новой жизни, а солнце глубоко чтили, как дающее жизнь и силу всему живущему на земле. В честь небесного светила был установлен «праздник солнцу», когда выпекали пресные, круглые лепешки, в последствии из особого теста стали печь блины.

Это говорит о том, что с принятием христианства не все языческие обычаи были полностью устранены, они были представлены в таком виде, чтобы не противоречили церковному учению. С точки зрения церкви масленица (сыропустная неделя), это не только время плотских увеселений, а в первую очередь подготовка к Великому посту. По установленным канонам церкви, перед Великим постом христиане должны примириться с ближними своими, да вообще, со всеми, кого вольно, или невольно обидели. Церковь никогда не одобряла и не одобряет пьянство и обжорство, но широкая масленица «нарушала» эти запреты. Масленица заканчивалась прощеным воскресением.

Совсем недавно, масленицу в деревне справляли широко и привольно, последние годы, сложившаяся обстановка внесла свои коррективы. Наступили другие времена, если раньше люди строили радужные планы, веселились от всей души, теперь же перед ними картина полной неопределенности. В народе постоянно обсуждалось свое будущее и никто не знал, что будет с ними завтра, тем более через год.

Даже во время праздничного гуляния старшее поколение, образуя отдельные группы, обменивалось новостями, своими соображениями о их будущем, причем, каждый имел свои определенные убеждения и взгляды. В народ уже проникли коммунистические идеи, иногда обсуждение их, у разгоряченных алкоголем людей дело доходило до открытых столкновений. Только у молодежи еще до какой – то степени сохранялось дружеское общение.

На масленице главным развлечением для подростков было катание на молоденьких лошадаках, большей частью, двухлетках. Устраивались состязание в беге на определенное расстояние, а то всей ватагой с гиком, криком, пригнувшись до самой гривы мчались в открытое поле. Взрослые парни на тройках катали по улицам девушек, на передней виртуозно наигрывает гармонист, лихо сдвинув шапку на затылок. Выехав за околицу, тройки мчатся по открытому полю, комья снега летят из под копыт, лошади, вытянув шеи несутся, едва касаясь земли. Звонкие девичьи голоса широко разносились по безбрежному снежному полю. Вечером вся молодежь шла в клуб и веселье продолжалось до полуночи.

Как уже упоминалось, что гулять большими компаниями, было обычным явлением в деревнях. И на этот раз за столом у Ефима Николаевича Шилова собралось много народу, это были близкие и дальние родственники, друзья и соседи. Были и приезжие гости.

Деревенское угощение не сильно отличалось своим разнообразием, но все, что возможно было приготовить из молочных продуктов, стояло на столе и, конечно, горы блинов. Еще совсем недавно можно было свободно достать любого сорта и вкуса рыбу, икру, но все это стало исчезать, а во многих местах все это уже исчезло с прилавков. Нет, как бывало большого выбора вин, коньяка, как крепкий напиток, теперь, преобладает с специфическим запахом китайская водка (хана).

Вскоре, после приветствий, взаимных поздравлений, пожеланий пошел оживленный разговор о современных событиях, заговорили и про былое, вспоминали «минувшие дни».

– А помнишь сосед, как в старину гуляли, «там», целую неделю и как молодежь каталась на санках с горы, подростки на молоденьких лошадаках носились по широким улицам.

Никак нельзя забыть, то, что вошло в сознании людей и навсегда укоренилось. Это «там» будет у них в памяти вечно. И своим детям они рассказывали про родной край и внукам говорят об этом, а также кто виновен в том, что они покинули родину.

– Захар, а Захар, ты помнишь бегуна Савелия Ерохина? На пять верст не было ему равных во всей округе. А вот мой гнедко, в последнем забеге, обошел его на целую голову. Это было еще до прихода японцев.

Вмешался в разговор хозяин дома, Ефим Николаевич Шилов.

– А знаешь ты, чей конь был лучшим на дальний пробег?

– Как не знать, хорошо помню. Да вот только не уберег ты его.

– И здесь мои кони славились, кто не помнит пробег до города Хайлара – продолжал Ефим Николаевич. Не много, не мало, а восемьдесят верст.

– Опеть нам придется бежать, бяда, плохо становится здесь жить. А ведь было то какое приволье, душа радовалась – встречается в разговор, весьма захмелевший, дед Митрохин.

– А бежать то теперь, куды? – продолжал он.

– Ну, хватит тебе, дед. Никто никуда не побежит, – успокаивал его хозяин.

А между тем разговор становился все громче и громче. Но вот, среди шума, гама и громких голосов, раздается красивого тембра голос хозяина, все, как по команде замолкают. С оттенком грусти зазвучали звуки бархатного баритона, полилась над столом всем известная песня: «Слава, вам, братцы, герои Амура...». Он пел с таким, захватывающим душу чувством, что некоторое время все молчали, но вот, один, потом другой и, наконец, все застолье подхватило эту песню. Сильный тенор берет все выше и выше, и кажется, не вынесет, сорвется. Густой бас, большой силы и яркого тембра, как бы старается его придавить, но тенор с еще большей силой берет самый верх, звонкие, мягкие, чувствительные ноты льются нежным звучанием.

Красиво вплетаются в хоровое пение, женские голоса. Одна песня следует за другой, в которых «то раздолье удалое, то сердечная тоска...». В словах песен звучала глубокая страстная любовь, безумное веселье, то скорбь русской души. Некоторое время, под впечатлением исполненных песен, тихо беседовали о родных просторах, о родном казачестве, его славе и величии.

Но вот заиграла гармонь, невестка Шиловых плавно прошлась по кругу, помахая в такт платочком, за ней одна за другой двинулись молодые девушки, а вот и мужчины пустились в пляс. Когда заиграл гармонист «русскую», выскочил в круг подросток, лет десяти да такие начал выделять фигуры, гости повскакали с мест, чтобы получше разглядеть танцора. А он то начнет крутиться волчком, то пустится в лихую присядку, то выбивает мелкую дробь.

– Настоящим, паря, казаком будет, – подметил дед Степан Митрохин.

– Чьих, этот паренек-то будет? – спросил подслеповатый дед, всматриваясь в танцора.

– Внук хозяина.

Ефим то сам не плохой казак, – дал свою оценку дед Степан.

Снова хозяйка просит всех к столу, подают свежие горячие блины, Ефим Николаевич обносит хмельной чаркой гостей.

Если раньше, во время Великого поста, прекращались разного рода увеселения, в первую очередь песни и танцы, то теперь активистов – сэсээмовцы то не смущало, они устраивали вечера, в любое время. В Советском Союзе, несмотря на гонению на религию народ тянулся к ней, не исключая и молодежь, но ей было весьма сложно попасть в храм. Вот, что говорил профессор Московской Духовной Академии, протоиерей Сергей Светозарский: «Чтобы войти в храм перед началом Пасхальной службы, нужно было обмануть, так называемых дружинников – это были не дружинники, а работники райкома комсомола. Мимо их надо было идти твердым

шагом, делая вид, что идешь мимо храма и прямо у ограды резко свернуть в ворота и пройти. Надо сказать, что это удавалось».

Вот такое парадоксальное явление. В Советском Союзе народ тянется к религии, а здесь, на Маньчжурской территории, где всегда твердо соблюдались прежние устои жизни и законы веры, начинает все это изживаться усилиями местных «комсомольцев». К сожалению, в большинстве случаев противостояние этому явлению со стороны старшего поколения было весьма пассивным. Только в некоторых семьях на это было обращено внимание, и шла воспитательная работа со своими детьми.

Старые учителя еще до революционного воспитания, в душе не могли принять искаженную историю России, не мирились и с прекращением религиозных занятий по школьной программе, но при этом они не могли открыто заявлять о несоответствии тех, или иных утверждений в советских учебниках

В этом году Пасха была ранней, в начале апреля, с полей уже сошел снег, только в лесу и в оврагах тают его остатки, иногда бывают затяжные дожди с мокрым снегом, температура низкая, воздух еще не прогрелся, а поэтому вечерами бывает прохладно.

Светлое Христово Воскресение важнейший и самый почитаемый праздник в христианском мире, отмечают это «праздник праздников» особенно величественно и торжественно. Пасхальное Богослужение начинается в субботу вечером, в полночь начинается крестный ход, после троекратного обхождения храма в сопровождении духовного песнопения, все останавливаются у главного входа в храм, где священнослужитель извещает благую весть «Христос Воскресе», ему дружно отвечают верующие: «Воистину Воскресе» затем совершается Пасхальная Заутреня, после ее окончания начинается Божественная Литургия.

Окончилась Пасхальная служба, верующие поздравляют друг друга, «христосуются», расходятся по домам и усаживаются за праздничный стол, чтобы совершить разговение. По установленному обычаю хозяйки готовят обильный стол, где предпочтительно уделено место мясным блюдам, а также сдобному печению, кроме того подаются пасхальные блюда: творожная пасха, куличи, яйца. Большой частью разговение совершается исключительно в семейном кругу, начиная с приветствия друг друга с пасхальной радостью, Воскресением Христовым.

Отправляясь в гости, после приветствия друг друга словами: Христос Воскресе – Воистину Воскресе, обменивались крашенными яйцами.

Приветствие друг друга словами Христос Воскресе – Воистину Воскресе, начатое в Пасхальную ночь, продолжается до Вознесения Господня.

В Православном мире Пасхальные торжества не оканчиваются Светлой седмицей. Молитвенное празднование Воскресения Христова длится в течение сорока дней до праздника Вознесения Господня. Первое воскресение после Пасхи в народе называют «Красной горкой». Обычно на «красную горку» устраивали свадьбы, считалось, что свадьба в это время есть залог счастливой семейной жизни.

Молодежь устраивает катание на качелях, что является центром развлечения в эти дни, также проводятся разные игры и забавы.

Ученики вернулись в школу, началась последняя учебная четверть, а там экзамены и, наконец, летний отдых. Вернулся из города и Михаил Сергеевич, очень довольный, что провел отпуск с семьей. А между тем, ему, который в своей жизни еще не встречался с романтическими приключениями, постоянно приходило в голову непонятное поведение Елены Яковлевой и он не находил тому объяснение. В конце концов, он окончательно решил с ней поговорить открыто, но Елена его избегала, из веселой смешливой она превратилась в замкнутую, редко улыбающуюся девушку.

Елена стала хуже учиться, на что обратили внимание ее родители, они решили поговорить с Михаилом Сергеевичем, так как он был наставником класса. Разговор никакого результата не дал, никто из них не понимал в чем дело. Тогда решили пригласить Елену и уже в ее присутствии выяснить, что ее волнует и чем она обеспокоена. На все вопросы она отвечала, что с ней все в порядке, она здорова, а то, что стала отставать по учебе, она постарается исправиться. Все, казалось, остались довольны и успокоились.

Елена по-прежнему при встрече с Михаилом Сергеевичем сухо здоровалась, старалась не встречаться с ним, даже в коридорах школы. После занятий он попросил ее задержаться и прямо спросил:

– Почему последнее время ты сильно изменилась и избегаешь меня. В чем дело, я не чувствую никакой вины перед тобой, Елена?

– А вы как будто бы не знаете, – нервно перебирая кончики платка, промолвила Елена.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, объясни. У бедной девушки навернулись слезы на глазах. Она медленно подняла голову, по ее щекам катились слезы

И тут, молодому человеку, неискушенному в романтических делах, все же до какой – то степени стало понятно, его сердце дрогнуло от жалости к ней и в то же время сладостный трепет пробежал по его телу. Он находился в растерянности и не знал, что сказать. Наконец, спросил Елену.

– В чем моя вина, скажи откровенно, мне будет легче, я буду знать, что тебя волнует? Михаил понимал, что она ждала от него не этих слов, а понимания ее трепетного состояния души.

– Разве Вы не понимаете, – бледность покрыла ее прелестное лицо, юное тело девушки вздрагивало, сладкий ужас первого признания овладел ею, смущенно потупив взор, она тихим голосом произнесла.

– Я люблю вас.

Михаил Сергеевич на какое – то мгновение растерялся, он этого не ожидал, признание девушки смутило его. Он почувствовал себя виновным, что позволил юной девушки дойти до этой черты, она была трогательно беспомощна, страх и растерянность были в ее взгляде.

– Елена пойми, ты милая, хорошая умная, девушка, это у тебя всего лишь увлечение, которое, я уверен исчезнет также быстро, как оно и возникло, – сказал он.

– Ты еще совсем юная, тебе надо учиться, чтобы быть успешной не нужно отзывать на разные порывы сердца, – продолжал Михаил Сергеевич, – я уже взрослый человек, а тебе только шестнадцатый год. Останемся друзьями и пусть все будет так как, это было до этого.

Елена ничего не ответила, с глубоким унынием взглянула на Михаила быстро повернулась и не попрощавшись, ушла. У него было желание догнать ее, что-то сказать, а что сказать он и сам не знал. Ему было больно и досадно, что он заранее не понял до конца внутреннего состояния девушки, ее взволнованный испуг первого признания, болью отразился в его сердце.

Михаил Сергеевич даже не допускал мысли ответить взаимностью этой юной, прелестной девушке, хотя она ему очень нравилась. Ее милая улыбка на чистом и свежем лице, смелый взгляд слегка прищуренных глаз нередко волновали его воображение.

Потянулись однообразные школьные дни, в старших классах повторялся пройденный материал, шла подготовка к предстоящим экзаменам. Михаил Сергеевич уже свыкся с мыслью, что все постепенно образуется, все войдет в свое русло, но ему почему-то становилось тоскливо от того, что она избегает его.

Как-то Татьяна Петровна заметила ему, что он сильно изменился, менее стал интересоваться спортом.

– Да, вот ты Миша и меня не приглашаешь в клуб на танцы. Уже давно мы не смотрели фильм.

– Раз так, в следующее воскресенье идем на танцы, улыбнувшись, заверил он.

Зимой клуб большей частью пустовал, только в воскресные дни там шел просмотр какого-нибудь кинофильма, устраивались танцы, иногда приезжали служащие советского консульства, проводили лекции про счастливую жизнь в Советском Союзе. В дальнейшем их наезды будут чаще и работа будет проводиться в более широком масштабе.

Клубное помещение не протапливалось в течение недели, разжигали печь за несколько часов до начала того, или иного развлекательного действия. Естественно, вместительное помещение полностью не нагревалось, но это мало кого смущало.

Из музыкальных инструментов неизменно присутствовала гармонь, иногда гармонисту подыгрывали на балалайке. Музыкантов было достаточно. Одни были настоящими, некоторые даже виртуозами, а иные только сами себя считали музыкантами. Тем не менее, музыкальный «вопрос» разрешался всегда безболезненно и просто, желающих играть всегда было много.

Танцевали большей частью старинные русские народные танцы и, конечно, неизменно «русскую», или чечетку. Девушки рассаживались по одну сторону, ребята по другую. Танец начинали уже «сформировавшиеся» пары, а потом, уже кто посмелее шел приглашать понравившуюся ему девушку. Некоторые из-за своей стеснительности так и просиживали весь вечер, если какая-нибудь отчаянная девушка не пригласит сама. Было много любителей танцевать лихую «русскую», тогда в зале все шумело, гремело, стучало. Некоторые парни и девушки специально поступали в танцевальный кружок, учились у «профессионалов».

Кроме традиционных молодежных вечеринок, еще местом встреч были, так называемые, «посиделки». Устраивались они, большей частью, зимой у какой-нибудь вдовы, или одинокой не замужней женщины. Молодежь приносила с собой разнообразное угощение, которое, обычно, оставалось у хозяйки. На посиделках девушки вязали, вышивали, шили в сопровождении песен и шуток присутствующих парней. Благодаря такому общению, молодые люди знакомились, узнавали друг друга ближе, влюблялись.

Михаил Сергеевич не пошел в клуб и на сей раз, сославшись на недомогание.

После окончания танцев, молодежь еще долго бродила по улицам. Девушки, взявшись под ручку, распевали песни. Позади шел гармонист, подыгрывая хору, да кое-кто из ребят складно вписывался своим сочным баритоном в женские голоса. Только далеко за полночь все стихало, замирало, изредка раздавался лай собак, кем-то встревоженных.

Михаил Сергеевич стал все чаще и чаще ловить себя на том, он все время думает о Елене, ему было очень больно смотреть, как изменилась она в своем отношении к подругам, к занятиям и к нему. Он не находил способа, как помочь ей и это его сильно угнетало.

Занятия со Степаном по-прежнему продолжались регулярно, Михаил Сергеевич был уверен, что этому старательному, трудолюбивому парню, все экзамены будут посильными.

В поселковой школе выпускные экзамены закончены, Ученики перешли в восьмой класс. Если кто будет продолжать учение, то нужно ехать в город, где была Полная Средняя школа.

В воскресенье утром Степан и Галина Тихоновна подъехали к дому, где жил Михаил Сергеевич, он уже их поджидал, прихватив с собой кое-какие вещи, они тронулись в путь. Весь длинный путь до города, старались отвлечь Степана, видя, как тот сильно волнуется.

– Будь спокоен, не волнуйся, я уверен, что ты справишься со всеми заданиями, – говорил Степану Михаил Сергеевич.

Слова учителя и матери давали Степану некоторую уверенность, но не настолько, чтобы не думать об предстоящих экзаменах.

К вечеру прибыли в город, остановились у знакомых, с которыми заранее договорились. В понедельник был первый экзамен по математике, этот был любимый предмет Степана, поэтому он был уверен в себе и почти не волновался. Сложнее для него был русский язык,

главным образом его волновало, как он напишет сочинение. За остальные предметы, Степан особенно не боялся.

Когда, в конце недели, было объявлено, что все экзамены сданы на хорошо и отлично, все трое ликовали, мать не удержалась, всплакнула, но это были слезы радости. Совершенно с другим настроением возвращались они домой, радостные, довольные результатом.

Подводились итоги учебного года, проведены все экзамены и проверочные работы, предстояла выдача оценок по заслугам каждому ученику. Окончившие седьмой класс ученики, готовились к выпускному вечеру. Каждая выпускница должна пригласить кавалера, мальчик барышню на школьный бал. Елена пригласила своего младшего брата Олега, ученика шестого класса.

После окончания школьного вечера Михаил Сергеевич решил сразу же поехать домой, где его будут с нетерпением ждать: мать, брат, сестра и, конечно, любимая бабушка.

В этом году рано отметились признаки весны, на улице уже ощущается тепло солнечных лучей, тает снег, всюду появились лужи, тонкими струйками течет вешняя вода по оврагам, в любое время готова превратиться в мощный мутный поток. С полей исчезает снег, обнажается почва, солнечные лучи прогревают землю, на проталинах появляется нежная пушистая травка. А уже к концу месяца все кругом начинает покрываться темно-зеленым ковром, сквозь который пробиваются первые цветочки. Начинают набухать на деревьях почки, значит скоро начнут цвести, распространяя резкий ароматный запах. В природе все «расцветая ликовало», в воздухе беспрерывно льется разноголосое пение птиц.

Совершенно другим становится весеннее небо, оно теперь светло-синее, чистое, иногда покрытое причудливыми формами облаков. Все это природное разнообразие улучшает настроение человека, на душе у него становится светлее и радостней.

В Трехречье природные условия благоприятствовали занятию, как хлебопашеством, так и скотоводством, чему способствовало обилие пастбищных угодий и богатая, плодородная земля. В поселках, ближе к линии железной дороги, где хлебопашество тоже играло значительную роль в жизни сельчан, но все же основным направлением было животноводство. Обуславливалось это тем, что спрос в ближайших городах на мясные и молочные продукты увеличивался с каждым годом, при этом цены держались на должной высоте.

Медленный подъем сельского хозяйства в северо-восточной Маньчжурии, включая и Трехречье, отмечен с середины двадцатых годов, а к началу тридцатых, жизнь заметно улучшилась, на много увеличилась площадь посевных угодий, крестьяне старались как можно эффективнее использовать их. Впервые стал вводиться севооборот, что существенно повысило урожайность.

Огромный ущерб благосостоянию людей нанес советско-китайский конфликт, особенно от него пострадало Трехречье. Только напряженным трудом и многими усилиями, менее чем через два года, трехреченцы вернулись к прежним посевным показателям, которые были до конфликта 1929 года. С улучшением благосостояния, появилась возможность приобретать ценную сельскохозяйственную технику, как сенокосилки, сенные грабли, современные плуги, жнейки.

Оккупация Маньчжурии японцами не особенно отразилась на жизни русского сельского населения, налогами не особенно отягощали народ, расчет с казной производился, главным образом молоком, который сдавали на завод, а завод в свою очередь выплачивал деньги за крестьян. Японцы были заинтересованы увеличением сельскохозяйственной продукции, так как контингент сухопутных войск на территории Маньчжурии постоянно увеличивался. Они закупали в большом количестве хлеб, мясо, лошадей, кожу, шкуры баран для изготовления шуб.

С ростом благосостояния жителей села, появилась возможность приобретать еще более усовершенствованные сельскохозяйственные орудия труда, такие как сноповязалки, а у некоторых появились трактора.

Японцы завезли в Маньчжурию австралийских жеребцов-производителей, появилась новая порода лошадей, которых охотно скупали у населения перекупщики и продавали за границу. Эта новая порода была быстрой и выносливой, к тому же не очень прихотливой.

Предвоенные годы резко изменили экономическую составляющую Маньчжурии. Неудачи японцев в районе Южно-восточной Азии, привели их страну к кризису, что не могло не повлиять и на Маньчжурию. Выявился явный недостаток многих товаров широкого потребления, цены на сельскохозяйственную продукцию упали. Тем не менее, жители села были в более выгодном положении, нежели горожане.

Посевная в этом году началась в середине апреля. Степану с лошадьми пришлось работать на посевной у Матвея Кирилловича Листьева. По договору должны засеять для Рудаковых одну десятину пшеницы и половину десятины овса.

Листьевы жили по той же улице, что и Артемьевы. Галина Тихоновна познакомилась с ними вскоре после того, как они переехали в деревню Николаевку. Матвей Кириллович с женой пришли и предложили, если им будет нужна какая ни будь помощь, они готовы ее оказать. С тех пор у них сложились хорошие, дружественные отношения.

Матвей Кириллович человек степенный, высокого роста, плотного телосложения с темно-русыми волосами, черты его мало-улыбчивого широкоскулого лица со светло-коричневыми добрыми глазами, у собеседника с первого же взгляда вызвали доверие и расположение к себе. Жена Надежда, наоборот, говорливая, подвижная, «во всю щеку румянец», быстро поддающаяся настроению, мать пятерых детей, но выглядела она очень молодо.

Заимка Листьевых представляла из себя рубленный деревянный домик с односклонной крышей и располагалась в вершине широкой пади под сопкой, тут же для рабочего скота был загорожен двор и отдельно для лошадей. Высокой изгородью обнесен небольшой участок, где лежало специально заготовленное для пахоты сено. В это время ранняя весенняя травка на лугах уже покрывает землю, но недостаточно для того, чтобы животные могли наесться.

Из-под сопки холодной струей пробивался родник, плотно окруженный зарослями тальника, боярышника и мелкого кустарника. Сначала ручеек прорывается сквозь колок, затем петляя между кочек выходит на равнину, километра два ниже, к нему примыкает другой ручеек, а там еще и еще, а когда родник впадал в большую реку, он уже сам представлял из себя небольшую горную речушку.

Только начал белеть восток, уже все на ногах, задымился костер, на котором будут кипятить чай в железном котелке, подвешенном на тагане, от костра идет густой дым, словно туман низко расстилаясь по долине. Темно-синее небо бледнеет, начинается рассвет и вот уже ярким кумачом разгорается заря, окрашивая белые облака на горизонте в розовый цвет.

Пахали перелог на двух быках и четырех лошадях. Передними лошадьми управлял сын Листьева, девятилетний Григорий, он умело заводил пару за парой в борозду при повороте. Площадь густо заросла не только крупно-ствольным сорняковым бурьяном, но и мелкой, густой как мох молодой травкой. С хрустом врезается острый лемех в твердую почву, переворачивая ровные пласты, подминающие под себя пробившуюся зелень, в воздухе резко ощущается запах сырой земли. Слетаются птицы, в первую очередь скворцы и галки, выискивая червячков.

Из-за синеющих гор все выше и выше поднимается солнце, его лучи ярким светом озаряют землю, засверкали разными цветами росинки на траве, на кустах, воздух стал наполняться звонкими трелями невидимых жаворонков. Солнечный свет окинул восточную сторону невысокой сопки и перед взором предстала удивительная картина, весь пологий наклон горы покрыт ровным зеленым ковром, на котором разбросаны в беспорядке первые вестники весны.

подснежники. Это часть сопки осенью выгорела, случайно пущенным палом, поэтому она так ярко выделялась на фоне природы.

Утренняя работа самая продуктивная, отдохнувшие за ночь животные бодро тянули однолемешный плуг, с хрустом вспарывая почву переворачивал влажный и жирный пласт земли.

Но, вот уже начинает сильнее припекать солнце, над головой светлое с голубизной небо, по которому плывут легкие кучевые облака. В воздухе много комаров, но больше всего рабочий скот беспокоит мелкая мошка, она тучами носится над ним, слепит глаза, щекочет ноздри. В полуденный зной делается перерыв, чтобы дать возможность самим и рабочей скотине передохнуть, а как только жара схлынет, снова начинается работа, пахота длится до самой темноты.

После вспашки поля, боронами начинают рыхлить почву и очищать от прошлогодних зарослей, эту часть работы выполнял Степан с раннего утра и до позднего вечера. На следующий день Листьев рассеивал по полю пшеницу, Степан следом боронами зарывал семена в землю. Погода благоприятствовала, посев закончили во время, на него отводилось не более 7—10 дней, теперь начнется подготовка к сенокосу.

Родители и учителя постарались, чтобы выпускной вечер прошел торжественно и весело. На подоконниках заботливо расставлены маленькие букетики из первых вестников весны-подснежников. Столы покрыты белыми скатертями, подснежники в перемежку с зелеными веточками, уже распустившихся деревьев яблони и черемухи, установлены в стеклянные вазы. На кухне проворно хлопотали суетливые женщины.

Звонок созывает всех в зал. Кроме выпускников, присутствовали и шестиклассники. После официальной части, которую открыла заведующая школой Раиса Григорьевна Трубникова, окончившим седьмой класс выданы свидетельства (отметки) о получении семилетнего образования. Преподаватели пожурили тех, кто не очень то постарался в течение года и хвалили тех,

кто успешно окончил семилетку. Были ученики с хорошими результатами, а также и отличники.

Общему вниманию была представлена небольшая программа, ученики читали отрывки из классических произведений, рассказывали стихотворения, небольшой школьный хор исполнил ряд известных песен. Родители благодарили преподавателей за их огромный труд и терпение в деле воспитания их детей. У всех было приподнятое, праздничное настроение.

Далее последовало обильное угощение, ученики быстро расселись по местам. Взрослые и преподаватели сидели отдельно. Шла непринужденная беседа, вновь и вновь благодарили учителей, а они в свою очередь выражали благодарность родителям, за то, что они на протяжении всего года ревностно заботились о нуждах школы.

Часов в пять явились музыканты, все перешли в зал. Небольшой зал вмещал не более ста человек, когда начались танцы, то многим пришлось торчать в коридорах. Танцы открыли выпускники. В медленном вальсе закружились нарядные юные пары, сопровождаемые громкими аплодисментами.

– Как великолепно выглядят наши выпускники, какие они сегодня торжественно серьезные, – говорит Татьяна Петровна, Пушкинову.

– Для них это особый, незабываемый день.

– Взгляни, Елена Яковлева почему-то не танцует.

– Подойди, узнай у нее, – попросил Михаил Сергеевич.

– Хорошо, иду, – сказала Татьяна Петровна.

В голове Михаила в это время вновь промелькнули те две недели, которые он провел в кругу своей семьи, а также неоднократные встречи с одноклассниками, некоторые из них

учились в высших учебных заведениях, совершал с ними поездку за город. Река Сунгари готовилась сбрасывать зимние оковы, а пока еще только небольшие вешние потоки врезаются в берега, и под напором прибывающей воды, начинает вздуться река. По-прежнему, даже в это время года, представлялось огромным удовольствием бродить по парку, расположенному вдоль Сунгари, где всегда было много гуляющей публики.

Где бы он не бывал и с кем не встречался, он постоянно думал о Елене, но письма ей не писал, хотя она ему напомнила, встретив его накануне отъезда домой.

– Вы мне обещали написать, когда хорошо продумаете в чем «виноваты», – сказала Елена. Михаил чувствовал, что это для нее было чем то очень важным. Он не знал, как и что ей ответить.

– Но я как – то, пока, еще не разобрался и не нашел своей вины, -улыбаясь сказал он, – и тут же осудил себя за такой ответ.

– А если найдете «вину», пожалуйста напишите.

– Хорошо. Обещаю. Он понимал какого ответа от него ждала Елена.

Михаил понимал, что он не мог писать ей на домашний адрес, а когда вернулся то постарался объяснить свое молчание, но Елену его ответ не удовлетворил, на ее лице отразилась жгучая горечь обиды.

– Я каждый день ходила на почту, проверяла, нет ли письма, – с грустью в голосе вымолвила она.

В дальнейшем она при встрече здоровалась с ним, но в разговор не вступала, на хорошем лице, даже ее грустный взор был прекрасен.

– Ну и хорошо, постепенно все уладится, успокоится, – говорил он сам себе.

– Она еще девочка, у нее все впереди, скоро забудет о своих первых чувствах, -думал он. Но, где-то в глубине души, Михаил Сергеевич, не хотел, чтобы все было забыто.

Он неоднократно упрекал себя за то, что тогда не написал ей письмо, может быть в переписке он смог ей лучше все объяснить и, таким образом, уладить между ними возникшее взаимоотношение.

Все это с бешеной скоростью мелькало в его голове и он даже не заметил, как подошла Татьяна.

– Елена не танцует, потому что ее брат не умеет танцевать, перебила его мысли Татьяна Петровна.

– Иди, пригласи ее.

– Как – то неудобно

– Идем приглашать вместе.

– Лена, иди потанцуй с Михаилом Сергеевичем, а то просидишь весь вечер одна, – предложила Татьяна Петровна.

– Действительно, Елена, почему бы не потанцевать, – говорит Михаил Сергеевич, – я приглашаю тебя на танец.

Девушка, казалось, немного растерялась, ее румяное лицо слегка побледнело, но она молча встала и положила ему на плечо руку. Она была хороша собою, выше среднего роста, стройная, красивое платье плотно обнимало ее гибкое тело, из под длинных ресниц, ее большие зеленые глаза излучали радостные чувства, тяжелая темно-русая коса лежала на ее высокой груди. Первое время они танцевали молча, Михаил Сергеевич лихорадочно подыскивал слова, чтобы бы начать разговор. Наконец он решился:

– Елена, ты хорошо и легко танцуешь, – явно сознавая, что говорит совсем не то, что следовало бы сказать. Первым долгом, думал он, нужно было сделать комплимент в отношении ее прелестного платья, нежно обтягивающее стройный стан, сказать о красивой укладке ее густых

темно-русых волос и о сережках-слезках, свисающих вдоль ее прелестного лица, но какая-то непонятная скованность овладела им.

– Я, знаю, что вы презираете меня за то, что я призналась в своих чувствах, -взволнованным голосом промолвила она.

– Простите, это никогда больше не повторится, – поспешила заверить она

– Совсем нет, наоборот, мне очень приятно быть рядом с тобой – лихорадочно подыскивая слова, путаясь, торопливо говорил Михаил Сергеевич, – сам не сознавая, что этим он выразил свое признание, что девушка ему не безразлична и она не должна просто так исчезнуть из его жизни.

Музыка остановилась, он проводил ее на свое место.

– Я думаю мы обязательно продолжим наш разговор, Елена. Она ничего не ответила, только пожала плечами.

– Ты, Миша, как я вижу, влюблен в эту девушку, – улыбаясь прошептала ему на ухо, Татьяна Петровна.

– Да, что ты? Нет конечно, – не совсем уверенно ответил он.

– Раз так, пошли танцевать.

Танцуя, Михаил Сергеевич, заметил, что Елены нет в зале, Для него вдруг все окружающее стало неинтересным, скучным. Он с некоторым страхом понял, что обаятельный образ этой милой девушки и ею откровенно выраженные чувства стали глубоко волновать его душу.

На следующий день, после школьного вечера, Михаил Сергеевич стал собираться домой, а утром следующего дня, один из местных жителей должен отвезти его на станцию. Все это время он думал о Елене, и понимал, что он не может уехать, не поговорив с ней. Пойти к ней домой, он считал, что это неразумно, попросить кого-то, чтобы сообщили Елене, но это даст пищу разным кривотолкам, чего он не мог допустить. Решил пройтись по улице, с надеждой встретить девушку, но этого не случилось. Среди играющих в лапту ребят, он увидел ее младшего брата Олега. Михаил Сергеевич решает отправить с ним записку.

– Олег, – позвал он парня, иди сюда. Подбежавшего к нему Олега, он попросил передать письмо сестре.

– Я сейчас его принесу. Вернувшись на квартиру, Михаил Сергеевич быстро написал записку и передал ее Олегу.

– Смотри, не потеряй и передай в руки Елене. Он просил ее прийти в школу.

Прошло уже много времени, а Елены все нет. Михаил Сергеевич решил, что она проигнорировала его просьбу. Ему, даже стало как то спокойнее на душе. Так будет лучше, еще не начавшийся для него роман уже закончился.

– Время все расставит на свои места, -подумал он.

Уже не рассчитывая до отъезда еще раз увидеть Елену, принялся разбирать вещи, но тут вошла она.

– Здравствуйте, Михаил Сергеевич.

– Я получила вашу записку, но вначале она попала к маме. Когда она спросила меня, что это значит, я ей ответила, не знаю. Я и в самом деле не знала. Тогда мама говорит, может быть нужно Михаилу Сергеевичу помочь собраться в дорогу. Возьми с собой подружку и помоги ему.

– Спасибо, Елена, что пришла. Нам нужно поговорить о многом.

– Как я знаю, в следующем году, ты поедешь учиться в город в восьмом классе.

– Этого хотят родители.

– А ты, что, не хочешь учиться? Учиться нужно обязательно, не известно, как сложится жизнь.

– А куда ты исчезла из зала на школьном вечере?

– Мы, несколько ребят и девчат, пошли погулять по свежему воздуху.

– А я думал, что мы с тобой еще потанцуем.

– Вам же есть с кем было танцевать, Татьяна Петровна вас любит, об этом все знают и говорят.

– Я и Таня, просто хорошие друзья.

– А ты, Лена будешь мне писать? Она вскинула на него свои лучистые глаза, он впервые назвал ее так.

– Нет, первым вы должны написать, уже один раз я была обманута. Они обменялись адресами и договорились в какой день Михаил Сергеевич будет отправлять письма, Елена сама будет приходить на почту и забирать их. Они еще долго говорили обо всем, не заикаясь только том, что им было мучительно дорого, что отдавалась сладкой болью в груди. На прощанье он нежно обнял и поцеловал ее в щеку.

– Обязательно напишите мне письмо, уже выходя из дверей, попросила она.

– Непременно напишу, получишь в этот же день, через неделю, – ответил он.

Проводив Елену, Михаил Сергеевич упрекнул себя за то, что предполагал сказать о многом Елене и даже признаться ей, что она ему не безразлична и даже больше, очень нравится, но этого не произошло, о чем сейчас сильно сожалеет.

В переполненном вагоне было очень душно, многие курили, пришлось приоткрыть окно. Пассажиры, своими многочисленными сумками забили все свободные места и пространства. Сумки наполнены, главным образом овощами и разного рода продуктами, испускали специфические запахи. В городах становилось все сложнее и сложнее с продовольствием, люди выезжали на периферию за покупками, где народ, пока еще не испытывал кризиса с питанием.

Разместившись поудобнее у окошка, Михаил Сергеевич, закрыв глаза, предался думам. Перед его взором возник любимый образ матери. Валентина Петровна была женщиной нрава кроткого, всегда спокойная, с задумчивыми темно-голубыми глазами, она нежно любила своих детей, которые так рано лишились своего отца. О своем приезде он сообщил семье заранее.

Валентина Петровна замуж вышла восемнадцати лет, вскоре после окончания школы. Влюбилась она в молодого инженера, только что окончившего университет и получившего хорошую работу. Высокий, стройный молодой человек сразу же покорила сердце юной красавицы, она встретила его на балу, в свой первый выход в свет. Знакомство их было весьма необычным. Когда заиграла музыка, он подошел к Вале, улыбнувшись сказал: «Меня зовут Сергей, вы очень милая девушка, я приглашаю вас на танец». И в следующий миг они уже кружились в вихре вальса.

– А как звать, мою милую даму? – спросил Сергей

– Валентина, Валя, – смущенно ответила девушка.

– На следующий танец, я вас также приглашаю.

Они весь вечер были вместе. По окончании бала, Сергей и Валя подошли к ее подружкам.

– Валя, Валентина, вы разрешите мне проводить вас домой? – предложил Сергей.

– Благодарю, но мы, подружки, всегда возвращаемся домой вместе.

– Тогда я не буду разбивать вашу милую компанию. Надеюсь, мы еще встретимся.

Встретились они через несколько дней на берегу Сунгари. Сергей разглядел в толпе отдыхающих Валу и подошел к ней.

– Добрый день Валя.

– Здравствуйте, Сергей.

– Вы, одни.

– Нет, я с мамой.

– Я надеюсь, что вы познакомите меня с ней.

– Конечно.

К ним медленно подходила средних лет женщина, в красивой соломенной шляпе с роскошным бантом и свисающей голубой лентой, на ее миловидном лице сияла улыбка.

– Так вот кто этот загадочный принц, по имени Сергей? – о котором уже несколько дней говорит Валя.

– Мама, перестань, – вся зардевшись, промолвила Валя.

– Меня зовут, Анна Семеновна, я рада знакомству с вами, Сережа.

С той поры, Сергей стал частым посетителем домика Пушкиновых на набережной.

Вспомнил Михаил и о времени, когда вся семья была вместе, когда летом выезжали на берег Сунгари, разместившись на лужайке, устраивали пикник, сама природа вдохновляла и радовала, иногда с дедом Алексеем Михайловичем подолгу сидели на берегу с удочками. После заката солнца счастливая семья возвращалась домой.

После продолжительной болезни, в конце сороковых умер дед, сказались два года проведенные в японской тюрьме, где по ложному доносу его жестоко пытали, требовали признание в том, что он связан с советской разведкой. Позднее выяснилось, что тот, кто написал донос, сам оказался советским шпионом, видимо, страхуя себя он указал на невинного человека.

Михаил не заметил, как на землю спустились весенние сумерки, холодная струя воздуха прорывалась сквозь открытое окно, мерно грохотали колеса тяжелого вагона. Михаил уже предвкушал радость предстоящей встречи с родными.

Вспомнил Михаил и о Николаевке, где за девять месяцев пребывания в поселке, он познакомился и повстречался со многими замечательными людьми, простыми, трудолюбивыми, доверчивыми. Тяжелый крестьянский труд не озлоблял людей, казалось, он их радует, как бы соревнуясь, один встанет раньше другого на работу, посмеиваясь над проспавшим, подчеркивают кто больше наметал, или еще намечет сена, запасет дров и. т. д. Молодежь относится более почтительно к старшим, нежели в городе.

Особое отношение к учителям, их народ просто обожает. Поэтому Михаилу было немного грустно уезжать из этого уютного, тихого местечка, а может еще и потому, что там осталась девушка, по имени Елена. Совсем недавно смотрел на неё, как на жизнерадостную, способную, веселую, радостную ученицу, полную жизни, так смотрел он и на ее подружек, даже не помышляя о том, что все вдруг может измениться.

Михаил сознавал, что у него появились чувства к этой милой девушке еще тогда, когда она трогательно —беспомощная произнесла слова признания, но тогда он был твердо убежден, что будущего у них не может быть.

Уже была глубокая ночь, спать ему не хотелось, в его сознании вновь и вновь вырисовывались милые черты юной девушки, ее улыбка, задорный, серебристый смех, слезы признания. Последнее время все чаще и чаще он ловил себя на том, что ее образ неотступно следует за ним, вызывая глубокое волнение, которое все больше и больше влияет на его душевное состояние. Он твердо решил, что как только приедет домой, сразу же напишет Елене и постарается ей объяснить, но как все это он изложит в письме, пока не имел представления. С этими мыслями он забылся в глубоком сне.

Проснулся он только тогда, когда было громко объявлено, что поезд подходит к станции. Быстро собрав вещи Михаил вышел на пирон, там его уже поджидали Валентина Петровна, брат и сестренка.

После весеннего периода цветения, начинается буйный рост трав, поля благоухают запахом множества цветов, различной формы и расцветок, у каждого цветка свои характерные особенности. Тут и ярко-красные маки, темно-голубые колокольчики, ромашки белые, ноготки с ярко-оранжевой окраской, островки розово-красного клевера и бело-розовые пионы

на бугорках. А над этим пышным ковром, порхают разноцветные бабочки, жужжат трудолюбивые пчелы. Полностью расцвели во всей своей красе северные леса, особенно выделяются на этом волшебном фоне стройные красавицы, белоснежные березки.

От легкого дуновения ветерка плавно колышется темно-зеленая нива с наливающимся колосками. Деревья убранные в ярко-зеленый покров, своим видом подчеркивают красоту летнего пейзажа.

В воздухе слышатся неумолкающие звонкие голоса птичек, одни поют в вышине, а других, хотя и слышно, но не видно, они спрятались в густых зарослях низкорослых деревьев. Вечерами стрекочут кузнечики, до утра не умолкает хор коричневатых сверчков.

Маньчжурское лето короткое, но жаркое, солнце поднимается высоко над небосклоном и льет свои горячие лучи на землю. Долгие солнечные дни сменяются короткими, большей частью, прохладными ночами. В летний период чаще всего выдается ясная погода, над головой простирается бескрайнее голубое небо, иногда проплывают легкие нежные облака.

Бывает и так, когда вдруг яркое солнце заслоняют тяжелые кучевые облака, небо темнеет, сверкает молния, сначала глухие, а потом все усиливающиеся раскаты грома сотрясают воздух, начинается ливень. Дождь, как и гроза неожиданно стихают, пробившиеся лучи солнца ярким светом озаряют умывшуюся природу, волнующий аромат полей наполняет воздух.

Все прошлые годы Артемьевы отдавала своих лошадей в аренду, а за это им засевали полосу пшеницы и полосу овса, а вот последние два года также работал на посевной и Степан. И в этом же году впервые со своим младшим братом Игорем, они работали на сенозаготовке.

Когда происходил раздел сенокосных угодий, по общему согласию жителей, малоимущим отводили ближайшие к поселку участки. Артемьевым достался участок в пяти километрах от дома в пади Широкая. Сено косили совместно с Матвеем Кирилловичем Листьевым, у которого, был полный комплект сенокосного инвентаря, но не хватало людей и конской силы. Степан и Игорь со своими тремя лошадьми, по договоренности, имели для себя третью часть общего накоса.

В первую очередь на делянке строили балаган для временного укрытия на случай ненастной погоды, также в нем люди находили спасение от комаров, мошки и прочих насекомых. Балаган покрывали толстым слоем свежескошенной травы, делали небольшое входное отверстие. Утрами постель, одежду выносили на солнце просушивать. Устанавливали балаган, обычно, вблизи реки, или около родника.

Игорь работал на конных граблях, Степан на сенокосилке, двое старших детей Матвея Кирилловича, Петя и Ваня, возили сено волокушей, хозяин был за главного метальщика, к концу дня ему помогал Степан. Могуч и силен был Матвей Кириллович, мощными руками он подхватывал вилами огромный пласт сена, умело укладывая на начатый зарод. С коротким перерывом, он весь долгий летний день орудовал вилами, уже вилы с длинным черенком не доставали верхней части зарода, значит пора вершить, роль эта предназначалась Степану, обученному этому делу Матвеем Кирилловичем. Крепкий паренек умело подхватывал пласт и сбрасывал на середину зарода, делая ее выше краев. В итоге, середина заострялась, получался наклон в обе стороны, что-то наподобие крыши дома.

Строг, но справедлив был Матвей Кириллович к своим сыновьям, но и от Степана с Игорем, он требовал, чтобы во всем был порядок и дисциплина. Вечером, после работы, первым долгом была обязанность позаботиться о лошадях, дав им немного отдохнуть и приостыть, сводит на водопой, затем отвести от табора, спутать передние ноги, чтобы не ушли далеко. Сбрую определить в установленном месте, чтобы она за ночь подсохла. А уже потом, помыться в холодной родниковой воде, что узкой лентой пробивалась сквозь заросли высокой осоки, тут же, недалеко от стоянки.

Хозяин сам готовил ужин, после еды, нужно было смазать машины, а главное выточить литовки (ленты, набранные сегментами), на ручном точиле, чтобы утром рано, без задержки начать покос. Точить приходилось уже при свете ярко горящего большого костра. Пожалуй, самая трудная работа это крутить колесо точила, ребяташки работали посменно. Первое время литовку точил Матвей Кириллович, одновременно обучая Степана, которые вскоре уже сам мог справиться с этим делом.

Ночь полностью вступала в свои права, стало заметно прохладнее. По долине низко стелется белый туман. Народившаяся луна излучает слабый бледный свет. Ясное темно-синее небо, сплошь усеянное звездами, мерцающими в небесном пространстве, создавая чудную картину летней ночи. Кругом все затихло, умолкли птицы и только, то там, то тут слышалось фыркание пасущихся лошадей, да по широкой долине все еще кое-где мерцают огни костров. Возле них идут беседы между соседями, рядом стоящих таборов, люди делятся новостями прошедшего рабочего дня. Но вот замолкают и они, гасят костры, густая тьма окутывает долину, наконец все погружается в глубокий сон. Ароматным запахом, свежей скошенной травы, наполнен воздух.

Начинается рассвет, вся долина окутана седым туманом, на траве лежат крупные капли росы, а вверху, невидимый глазом, весело заливается беззаботный жаворонок, сладко и умильно рассказывая о чем то неизвестном. С разных сторон выходят в поле сенокосилки, и вся падь дружно оглашается шумом работающих машин. А на таборе уже идет полным ходом подготовка к метке сена, едва приподнялось солнце над горизонтом, а Игорь уже запряг лошадь в сенные грабли и выехал на кошенину, началась его работа, ровными рядами улаживать серые валы сена. Скрипя широкими деревянными колесами, выехала на скошенное поле волокуша, две лошади впряженные в нее, уверенно управляют мальчишками и, вскоре огромная копна сена катится к зароду. И опять началась самая тяжелая часть работы сенокосного сезона, метка сена.

Для сенокоса отводилось не более шести недель, так как подходила пора уборки урожая в конце августа, поэтому шла напряженная работа. Случалось, портилась погода, начинались дожди, это вызывало тревогу у людей, но большей частью маньчжурское лето благосклонно относилось к труженику и люди успевали запастись сеном. Народ, почти безвыездно находился на сенокосе, только в большие церковные праздники (дванадесятые) выезжали в поселок.

Накануне праздника, вечером, топились бани, а они были почти у каждого жителя. Утром шли в церковь, а потом вся семья садилась за праздничный стол. Случалось, что кто-то справлял торжественную дату: день рождения, или какой ни будь юбилей, тогда собирались гости (компания) и все шло по традиционному установленному порядку. Веселие длилось до полуночи, но это не смущало людей, они рано утром, следующего дня уже были на работе, пусть даже кому было очень нелегко после бурной гулянки.

Взрослая молодежь жила своей жизнью, часто после окончания работы, ребята седлали не рабочих лошадей и мчались в поселок на свидание со своим девушками, или устраивали танцы на лужайке. А утром все на месте, на работе. Молодость! Молодость! Пора прекрасная, пора счастливая, беззаботная!

Еще полностью не окончен сенокос, а уже подошло время начинать уборку хлебов. Страда, самая горячая пора года, для нее отпущены кратчайшие сроки, самое малое промедление влечет за собой потерю зерна, переспевшие колоски быстро начинают осыпаться.

Матвей Кириллович один из первых, со своей «бригадой» выехал на уборку урожая. Убирали посевы жнейкой, которой управлял сам хозяин, следом за ней шли вязальщики снопов. Чтобы работа шла полным ходом, необходимо был пять-шесть человек. В таких случаях помогать приезжали, после того, как будут подоены коровы, жена Листьева и Галина Тихоновна. К вечеру они вновь уезжали в поселок к приходу стада с пастбища. И так, каждый день. Тяжелый, изнурительный труд, но как говорит русская пословица: «день год кормит». После уборки

урожая, люди возвращались косить осенец (осенняя трава), это был запас на случай, если зимой не хватит сена.

В сентябре с полей начинают возить сено в специально отведенный двор, обычно находящийся позади скотских угодий. Вначале осени возят на телегах, а когда выпадет снег, то на санях. В это же время каждый хозяин перевозил свои снопы в определенное общее место – гумно, где их складывали в отдельные огромные клады (скирды). Зимой к гумну подгоняли молотилку и в порядке очереди каждый обмолачивал свой урожай. Работа шла день и ночь.

Степан уже второй год работает на молотье, в его обязанность входило, главным образом, откидывать солому, выбрасываемую молотилкой. За то, что для Артемьевых измолотят урожай, Степан должен был работать от начала до конца этого сезона.

«Унылая пора, очей очарованье». Это самая яркая пора года, когда в «багрец и золото одетые леса», пестрят разными красками золотой осени. Среди них особенно выделяются, блестя и переливаясь на солнышке багряным, желтым и оранжевым цветом стройные березы и душистые клены.

Днем все еще стоит теплая погода, но всюду видна картина, уходящего лета. Желтеют поля, внезапные порывы ветра срывают осеннюю красу с деревьев, покрывая цветным ковром все вокруг. Караваны крикливых гусей устремляются на юг, высоко в небе курлычут журавли, сбиваясь в стаи, готовятся в дальний путь утки. Все это не волнует выносливых и пронырливых воробьев, они порхают вокруг, громко чирикают, им некуда спешить. В конце осени воробьи покрываются специальным оперением, не пропускающим холод, зимой они обычно много не летают, так как, находясь долго в полете оперение открывается, пушистый покров начинает пропускать холод, птица начинает мерзнуть.

С каждым днем, утрами и ночами становится все прохладнее и прохладнее. Только в полуденную пору все еще пригревает солнышко. Серое небо все чаще и чаще покрывается низкими тучами, постоянно моросит мелкий дождь, исчезают грозы с раскатами грома.

Второй осенний месяц выявляет основные особенности, в октябре учащаются дожди, иногда выпадает снег, начинаются регулярные ночные заморозки, дни становятся, заметно короче, а ночи длиннее. Тем не менее, в эту весьма печальную осеннюю пору есть свои особые завораживающие моменты. Воздух как-то по особому прозрачен и свеж, туманное утро имеет свою прелесть, от него веет тишиной и покоем. Очаровательность осени еще заключается в том, что она вспыхивает на короткий миг и уходит в небытие. Каждый спешит уловить и вобрать в себя эту прелесть и сохранить эти чудные картины в своей памяти.

Осень прекрасна еще и тем, что это самое романтическое время года, красота увядания природы тревожат душу, у людей больше свободного времени, они никуда не спешат, длительнее и чаще бывают любовные встречи. В этот период, с широким размахом устраиваются свадьбы.

Свадьба Анатолия Макушева в 1943 г. Трехречье.

Все, ранее предпринимаемые попытки Дмитрия Малькова добиться руки своей возлюбленной оканчивались полной неудачей. Но он не отступал и был твердо уверен, что добьется своего счастья. Переписываясь, влюбленные разработали план. В один прекрасный момент Мария говорит отцу:

– Я хочу поехать на заимку.

– Это, что еще за выдумка? – спросил отец.

– Хочу помочь Лукерье. Лукерья сестра Егора Семеновича, старая дева, в свое время ее разлучили с возлюбленным и с тех пор она ни с кем не пожелала связать свою судьбу. Кроме Лукерьи на заимке жил пастух – монгол Илья.

– Отец, пусть поедет, развеется, не все же время сидеть дома, – поддержала дочь Вера Антоновна.

В конце концов, Егор Семенович дает свое согласие.

– Гришка погонит бычков на заимку, пусть с ним и едет.

Перед самым отъездом с Григорием на заимку, Мария сумела сообщить Дмитрию об этом, через свою верную подружку Аню.

После окончания войны с Японией, ожесточилась борьба между силами КПК (Коммунистическая Партия Китая) и Гоминдан (Чан-кэй-ши). Это противостояние, с переменным успехом, длилось четыре года. Наконец, вооруженные коммунистические отряды завершили освобождение Маньчжурии от гоминдановских войск. Первого октября 1949 года была провозглашена Китайская Народная Республика, но борьба с внутренней контрреволюцией еще будет долго продолжаться, к тому же разбитые гоминдановские части повели партизанскую войну.

В начале пятидесятых, правительство Китая объявило Аграрную реформу, началось перераспределение земельных владений и, как следствие, сразу же снизилось производство сельскохозяйственной продукции, а за этим и животноводство стало приходить в упадок.

В это же время правительство начало массовую кампанию по борьбе с «врагами народа» по «образу и подобию» советского опыта. Жестокие чистки привели к многомиллионным жертвам. Во Внутренней Монголии, где в основном и обосновались русские земледельцы, реформы проводились более, или менее умеренно, монголы не допускали крайностей в период преобразования. Разрешались монголам небольшие индивидуальные хозяйства, и это продолжалось почти до конца пятидесятых, монголы и потом сопротивлялись и убеждали китайскую власть, что только сохраняя частную собственность можно добиться подъема животноводства.

В городах же была иная картина, началась национализация банков, крупных производственных и торговых предприятий. Позднее правительство взялись и за мелкое предпринимательство. Закрывались частные магазинчики и торговые лавки, исчезли базары, взамен их открывались кооперативы. Малейшее сопротивление жестоко подавлялось и каралось, нередко были показательные казни, общеизвестны случаи, когда жертвы привязывались к конским хвостам и отпускались на волю.

Всего год тому назад, можно было все достать и купить в магазинах. Базары были завалены продукцией, предлагалось разнообразие овощей и фруктов, при чем все было дешево. Теперь же, держатели огородов не имели права торговать частным образом, вся продукция должна была проходить через кооперативы, причем по очень низким ценам. С исчезновением частного предпринимательства, за короткий промежуток времени с рынка все исчезло, новая экономическая система не могла удовлетворить потребность населения.

Китайцы-огородники, выращивая у себя овощи, обычно продавали их сами, примитивным способом, нагрузив корзинки, разносили по домам среди русского населения. Но, им и это было запрещено делать. Очень скоро недостаток продуктов, овощей ощутили все жители городов.

Русское городское население охватило мучительное чувство тревоги за свое будущее. Экономическое ухудшение по всей стране, вызвало сокращение рабочих мест, начались увольнения, русские были в числе первых, кого лишали работы. Чтобы прокормиться, приходилось продавать имущество, народ быстро беднел.

На железной дороге, где всегда работало много русских, произошло массовое сокращение, остались немногочисленные специалисты, без которых, на этот момент не могли обойтись. В силу необходимости еще функционировали некоторые частные русские механические мастерские и мелкие предприятия, но было ясно, что и это только дело времени, исчезнут и они. Ни советское Посольство, ни Общественные советские организации не способствовали, чтобы как-то трудоустроить русский народ.

Активное выдавливание русских со всех промышленных предприятий, происходило с молчаливого согласия официальных представителей советского государства-Консульства.

Многие харбинцы, в поисках работы, перебирались в сельскохозяйственные районы. Позднее многие будут считать, что такие условия для русских были созданы целеустремленно, чтобы, когда будет объявлен призыв поехать в СССР на освоение целинных и залежных земель, желающих будет много. Оно так и случилось. В деревню все эти события докатятся несколько позже.

На заимку приехали к вечеру, Лукерья была удивлена приезду племянницы и Григория, но тем не менее была рада новым лицам. Она знала, что происходило с ее крестницей Маней, очень ей сочувствовала. На первой возможности, когда Григорий ушел на скотский двор, она спросила Марию, как теперь у нее дела с Дмитрием. Мария ей все рассказала, при этом, утаив о тайном заговоре.

– Тебе, девка, нужно бежать из дома, – сказала Лукерья

– А как это сделать? –спросила Мария.

– Вот уедет, Григорий, надо как-то будет сообщить Дмитрию.

Мария долго не решалась, но, наконец, сообщила Лукерье о их плане.

– Молодец, племянница. Она не хотела, чтобы судьба Марии была такой же, как у нее.

Ее восемнадцатилетнюю разлучили с любимым человеком.

Через два дня Григорий уехал, теперь пришлось ждать сигнала от Дмитрия. Прошло еще три дня. Поздно вечером послышался стук в окно, Маня выбежала на улицу, это был Дмитрий. Пастух уже спал. Лукерья помогла ей собраться, посоветовала ехать сразу, то не ровен час, еще кто-нибудь приедет.

– Ну езжайте, с Богом. Мария поцеловала тетку, они поблагодарили ее за все, вскочив на лошадей, скрылись во мраке ночи.

В 1953 году китайским правительством был объявлен Первый пятилетний план, используя советскую модель. В этом же году были подписаны с СССР новые торговые соглашения. Вместе с этим, Китай рассчитывал на долгосрочную экономическую помощь Советского Союза, но со смертью Сталина произошли большие изменения в взаимоотношениях между странами. Особенно обострились отношения между СССР и Китаем к середине пятидесятых, когда выявилась масса сложных идеологических разногласий. Позднее Китай напрямую обвинит Советский Союз в ревизионизме, т.е. в пересмотре идеологии марксизма – ленинизма, к тому же Мао не мог стерпеть открытой критики Сталина Хрущевым. Непростое экономическое положение в СССР и Китае, а также идейные разногласия между руководством, все это вызвало резкое обострение и еще больший упадок уровня жизни народов этих стран.

Все эти преобразования не могли не отразиться и на русском населении деревни, оно начинает испытывать ограничения и разного вида давление на частное предпринимательство. Если раньше хозяин мог сбыть лишки сельскохозяйственной продукции, свободно продать на рынке скотину, лошадь и так далее, то сейчас на все нужно иметь разрешение, которое неохотно давали, большей частью отказывали. Зерновые злаки можно было продавать только государству и по низкой цене. Иными словами была введена хлебная монополия.

Труженики села сократили сельскохозяйственное производство, они заготавливали все необходимое только для себя и как следствие деревни стали беднеть, а это также не могло не отразиться на жизни городского населения. В городах начали вводить карточную систему, пока только на продукты питания, но вскоре это распространилась на все другие предметы потребления.

Об убеге Марии, Тюрины узнали через несколько дней. Трудно себе представить, что происходило в доме Тюриных, после такого известия. Глава дома, со всей яростью обрушился на жену, считая ее главной виновницей. Его маленькие темные глаза гневно сузились, смуглое лицо побагровело, нервно дергалась правая щека.

– Это ты, негодница, потакала ее и всегда защищала, – кричал он, – я не сомневаюсь, что это произошло не без твоего участия. Изнежила девку, своевольной ее сделала. Я тебе этого не прощу.

– Опомнись, Егор, побойся Бога. Как ты можешь такое говорить? На заимку —то к Лукерье ты сам дал согласие поехать. А кто больше тебя ее баловал, всегда только и говорил, она ведь у нас единственная дочь.

– А со своей сестрицей я так поговорю, что она никогда не забудет, – не унимался он.

– Где, ребята, зови в дом, поедим в Николаевку, надо Маньку спасать.

– Ты, что задумал, Егор, хочешь опозориться? Вас там, так встретят, что век не забудешь.

– Ты, баба, вздумала меня учить, гремел на весь дом Егор.

– Эй, Егорка, угомонись, Верка – то, дело говорит, приостынь, -вмешался в разговор дед Антон.

– Который раз уже девка собирается убежать в замуж, надо понимать любовь у них, – продолжал он. Я тоже не хотел рано отдавать замуж Лушку-то, теперь она на всю жизнь старой девой осталась, никому не нужна. До сих пор мне не может простить.

– Да, вы все против меня, – крикнул Егор и выбежал из дома. Но в его голосе уже не было прежнего накала.

– Ничего, Верка, охолонётся немного, успокоится, – уверенно сказал дед Антон

Несколько дней Егор ни с кем не разговаривал, но когда в конце недели, приехали Мальковы, он, скрепя сердца, принял их и пригласил в дом. Познакомились, но хозяин гостям руки не подал. Они стояли у порога, ожидая своей судьбы.

Наконец, он сухо промолвил, – проходите, раз уж приехали, садитесь.

– Жена, – что-нибудь нам приготовь и поставь на стол.

– Можно было бы все сделать по-другому, по хорошему, по человечески, – ворчал Егор Семенович.

– Да, ты же Егор..., но вовремя остановилась Вера Антоновна. Гневно сверкнули глаза мужа.

Обстановку опять разрядил дед Антон.

– Мальковых то много, вы чьих будете, как звать, величать? – спросил он.

Мы Васильевичи. У отца было семь сыновей. А у его двоюродного брата Ильи Тимофеевича было девять ребятешек. Их называли, Тимофеевичами. У моей жены девичья фамилия Волгина. Меня зовут Дмитрий Васильевич, жену Елена Степановна.

– Слыхивал о Волгиных, известная фамилия.

Затем дед Антон рассказал и о своей родословной, а между делом наполнял рюмки, предлагая выпить за знакомство. Захмелевший дед начал рассказывать, что участвовал в японской войне и имеет Георгиевский крест, сам генерал Мищенко вручал ему награду, прямо на фронте.

– Ну, хватит тебе отец о своем геройстве рассказывать, – прервал его сын, – о деле надо говорить.

Через некоторое время уже шла общая, более спокойная беседа. Мальковы сообщили, что невеста Мария живет у их родственников, у них две девушки, примерно ее возраста. В итоге родители Марии согласились дать «бумагу» -согласие, без которого венчать не будут. Обе стороны согласились подумать о том, когда лучше всего сыграть свадьбу. Под конец, уже все желали молодым счастья. А к вечеру, дед Антон и Дмитрий, уже обнимались, как лучшие друзья, тут же нашли общих знакомых. Вскоре не стройно, но громко запели хором казачью песню. Уезжали сваты на следующий день. Пообещали сразу же отправить жениха и невесту.

После окончания летних каникул, Михаил Пушкив возвращался в Николаевку, изрядно загорелый, отдохнувший, но измученный догадками. Он дважды писал Елене письма, но в течение лета не получил от нее ни одного ответа. Михаил недоумевал, ведь она сама

настойчиво просила его писать, видимо, что-то произошло, а что, он не мог даже предположить.

В вагоне было все также многолюдно и шумно, как и в первый путь, только не было тех многочисленных свертков и сумок. Большинство пассажиров были молодые люди,

большая группа китайских студентов ехала в Советский Союз на учебу. Одни из них учились в Москве, другие в Новосибирске. С большим акцентом, тем не менее они довольно свободно объяснялись на русском языке. Вначале они считали Михаила работником советского консульства, но когда он им объяснил, кто он такой, каждый хотел с ним познакомиться и поговорить. Общение не прекращалось до самой полуночи, а утром, когда Михаилу нужно было выходить из вагона, студенты провожали его, как лучшего друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.